

Синтаксические архаизмы в русской разговорной речи

© 2018

Борис Андреевич Успенский

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия; borisusp@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена архаическим синтаксическим конструкциям с родительным прилагольным в русском разговорном языке (типа *дать ножа* и т. п.). Демонстрируется связь родительного прилагольного с семантикой партитивности. В центре внимания автора — происхождение и семантика одобрительного возгласа *молодца!* Предполагается, что по своему происхождению это слово представляет собой родительный прилагольный, восходя к конструкциям типа *сказать дурака* или *пустить петуха*. Рассматриваются условия употребления родительного прилагольного в русской разговорной речи.

Ключевые слова: двойной винительный, дезиндивидуализация, категория одушевленности, метафоризация значения, партитивность, разговорная речь, родительный отрицания, родительный прилагольный, родительный разделительный, синтаксические архаизмы, язык Гоголя

Для цитирования: Успенский Б. А. Синтаксические архаизмы в русской разговорной речи // Вопросы языкознания. 2018. № 6. С. 60–84. DOI: 10.31857/S0373658X0002020-1.

Syntactic archaisms in colloquial Russian

Boris A. Uspenskij

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia;
borisusp@gmail.com

Abstract: The article analyzes archaic syntactic constructions in colloquial Russian when a noun in genitive appears as the direct object of a transitive verb (such as *dat' noža*, etc.). The connection of such genitive constructions with the semantics of partitivity is demonstrated. The author concentrates on the origin and semantics of the approving or encouraging exclamation *molodca!* in the Russian spoken language. According to the author, it is a former genitive form of the direct object related to a verb of utterance (*verbum dicendi*), i. e. a part of a construction similar to such phrases as *skazat' duraka* or *pustit' petuxa*.

Keywords: accusativus duplex, animacy, deindividuation, genitive as a form of direct object, genitivus negationis, genitivus partitivus, language of Gogol, metaphorization of meaning, partitivity, spoken language, syntactic archaisms

For citation: Uspenskij B. A. Syntactic archaisms in colloquial Russian. *Voprosy Jazykoznanija*. 2018. No. 6. Pp. 60–84. DOI: 10.31857/S0373658X0002020-1.

1.1. В русском разговорном языке одобрение или поощрение могут выражаться словом *молодѐц*. Это слово может выражать отношение старшего к младшему (противопоставленных по возрастным или социальным параметрам)¹ или же отношения равных². Оно

¹ Ср. обращение офицера к солдатам в русской дореволюционной армии: *Здорово, молодцы!* [Ушаков, II: стлб. 248].

² Отношения равных проявляются, в частности, в аудитории зрителей (болельщиков), которые оценивают действия спортсменов.

не может в нормальном случае выражать оценку снизу вверх — старшего младшим. В качестве возгласа это слово может стоять в разных формах.

Возглас *молодѐц!* означает просто положительную оценку без каких-либо дополнительных семантических обертонов, т. е. одобрение или поощрение как таковое.

Возглас *молодѐцм!* выражает по преимуществу одобрение или поощрение со стороны старшего, более опытного человека. Речь при этом идет, как правило, не столько об оценке какого-либо человека, сколько об оценке его состояния в актуальное время: имеется в виду не то, что данный человек вообще является молодцом, но то, что он держится молодцом. По-видимому, здесь отразилось значение творительного предикативного.

Возглас *молодѐц!* также выражает одобрение или поощрение, но при этом может подчеркиваться неравноправность собеседников; так могут сказать подчиненному и даже животному (например, лошади, собаке). Эта неравноправность снимается, вместе с тем, при коротком (фамильярном) общении, предполагающем взаимность в обращении³. Напротив, в ситуации, которая не подразумевает неформальные отношения, этот возглас может быть воспринят как нарушение дистанции и показаться непочтительным. Форма *молодца* нередко встречается в сочетании с междометием *ай*: *Ай, молодѐц!*⁴.

Возглас *молодца* в этом значении принадлежит исключительно разговорному языку и, как правило, не отражается в словарях. Вместе с тем он вполне употребителен; стилистически он должен быть квалифицирован как вульгаризм.

Форма *молодца* может выступать в разных синтаксических контекстах (не только при восклицании, но и как член предложения); при этом она всегда может быть заменена на формы *молодец* или *молоцом* без нарушения грамматической и семантической правильности фразы.

Приведем примеры (они взяты из повести К. М. Станюковича «Севастопольский мальчик» (1902 г.), цит. по [НКРЯ]), где передается — может быть, несколько утрированно — просторечие портовой (мещанской и матросской) среды. Герой повести, мальчик Маркушка, периодически заслуживает одобрение старших, и они называют его таким образом:

- *Не сумлевайся, Маркушка... Молодца! Заботливый ты сынишка!*
- *Ай да молодца, Маркушка! Не хуже настоящего матроса отчесал ведьму.*
- *Молодца... Отца угостил...*
- *Молодца, Маркушка! Ловко правишь!*
- *Ты у меня, Маркушка, молодца во всей форме (...)* И Павел Степаныч [Нахимов] заметил, какой ты молодца.
- *А как же с яликом? — Ты молодца...*
- *Твой Маркушка молодца!*
- *Молодца мальчонка...*

Как видим, форма *молодца* может выступать в предикативной конструкции — как самостоятельное несклоняемое существительное, а не как падежная форма слова *молодец* (*ты у меня, Маркушка, молодца; ты молодца; какой ты молодца; твой Маркушка молодца; Молодца мальчонка*). Во всех этих случаях *молодца* выступает вместо *молодец*, и мы всегда можем заменить одно слово на другое без нарушения грамматической правильности (ср. соответствующие фразы: *ты у меня, Маркушка, молодец; ты молодец; какой ты молодец; твой Маркушка молодец; Молодец мальчонка* и т. п.). Вместе с тем *молодца*, в отличие от *молодец*, не может фигурировать как подлежащее. Ср. в современной разговорной речи: *Молодца ты ему в зубы врезал!* — здесь *молодца* выступает вместо *молоцом* (ср.: *Молоцом ты ему в зубы врезал!*).

³ Уместно отметить в этой связи, что при коротком общении даже бранные слова могут не иметь оскорбительного характера [Успенский 1996: 70].

⁴ См. примеры из современной прозы в [НКРЯ].

Итак, форма *молодца* может заменять более нейтральные формы *молодец* или *молодцом*. *Молодца* выступает как стилистически окрашенное слово и, видимо, выражает какой-то семантический нюанс. Какой же именно?

Как понять форму *молодца*? Каково ее происхождение и значение?

1.2. Для ответа на этот вопрос нам, как кажется, может помочь одно место из Гоголя. Речь идет о сцене из «Мертвых душ» (гл. III), где описывается визит Чичикова к Коробочке: *Индийский петух (...) заболтал ему вдруг и весьма скоро на своем странном языке, вероятно, желая здравствовать, на что Чичиков сказал ему дурака*.

Фраза *сказал дурака*, по-видимому, означает — точно или приблизительно — то же, что *сказал «дурак»*. Это архаический язык, и современный автор выбрал бы этот последний вариант, заключив слово *дурак* в кавычки, т. е. выделив это слово как прямую речь. При последовательной расстановке кавычек вся фраза в этом случае выглядела бы как взаимный обмен репликами (*Желая здравствовать! — Дурака!*), своего рода диалог.

Кавычки вообще обозначают разные текстовые уровни, отмечая границы между цитируемым текстом и относящимся к нему метатекстом [Успенский 2012: 181–185]. Фраза *Чичиков сказал ему «дурак»* очевидным образом синтаксически гетерогенна, она объединяет тексты, принадлежащие разным субъектам речи и различающиеся по синтаксическому построению. Напротив, гоголевская фраза *Чичиков сказал ему дурака* представлена на одном текстовом уровне, где все слова грамматически связаны и слово *дурак* выступает как управляемое слово, зависящее от глагола. Таким образом, синтаксически (по своему построению) эта фраза в принципе не отличается, например, от фразы *Чичиков сказал ему слово* (или *сказал ему речь* и т. п.).

Иначе говоря, слова во фразе *сказал «дурак»* грамматически не связаны, представляя собой объединение текстов, относящихся к разным языковым реальностям: это гетерогенный текст, представляющий две разные синтагмы, соположенные вместе. Между тем во фразе *сказал дурака* слова связаны грамматическим управлением: это гомогенный текст, представляющий одну синтагму.

Насколько нам известно, наиболее ранний пример фиксации данного выражения представлен в комедии «Студент» А. С. Грибоедова и П. А. Катенина (1817 г.): *Я за это в состоянии сказать ему дурака в глаза, хоть он и думает, что вдвое меня умнее от того, что вдвое старше* (дейст. I, явл. 6). Ср. также в «Петербургских трущобах» В. В. Крестовского (1864–1866 гг.): *Доктор ограничился тем, что сказал ему дурака и распорядился отнести труп в мертвецкую, да на завтра вскрытие назначить* (ч. 5). Некоторые другие примеры будут предметом обсуждения ниже в тексте нашей работы⁵.

Выражение *сказать дурака* характеризуется как «просторечное» в [Ушаков, I: стлб. 812], но уже как «устарелое» в [БАС, III: стлб. 1162]. Нельзя видеть здесь идиоматическое выражение, связанное исключительно со словом *дурак*. Ср. в воспоминаниях Н. А. Бестужева о восстании декабристов: *Митрополит, посланный для нашего утешения, возвратился без успеха; Сухозенету, который, подъехав показал нам артиллерию, громогласно прокричали подлеца* [Бестужев 1931: 90].

Интересующий нас синтаксис имеет, по-видимому, индоевропейские корни. Действительно, сходные конструкции — с дополнением в винительном падеже при управляющем глаголе говорения — возможны в таких языках, как греческий или латынь, также как и в церковнославянском (причем не только в тех случаях, когда церковнославянский текст представляет собой буквальный перевод с греческого). Ср., например: Πατέρα ἴδιον ἔλεγε τὸν Θεόν, *Patrem suum dicebat Deum*; *Отца своего глаголаше Бога*⁶ ‘Отцем Своим называл Бога’ (Ин. V, 18). Или еще: *Οὐκέτι λέγω ὑμᾶς δούλους* (...) *ὑμᾶς δὲ εἶρηκα φίλους, iam non dicam*

⁵ В поисках примеров, иллюстрирующих выражение *сказать дурака*, существенную помощь оказала нам Р. Сальваторе.

⁶ Так в древней славянской и в современной (Елизаветинской) библии.

vos servos (...) Vos autem dixi amicos; Оуже не гл[агол]ѣхъ васъ рабъ (<...> вы же рекохъ друзья⁷ ‘Я уже не называю вас рабами (<...>) Но я назвал вас друзьями’ (Ин. XV, 15). Ср. также в оригинальном (не переводном) церковнославянском тексте: Поминаю же пакы реч[е]наго тобою оучителя Григорїа, егоже и с[ва]та рекъ <по др. списку: рекъ>, не стыжюся ‘Вспоминаю опять названного тобою учителя Григория, которого я назвал святым, и не стыжусь [или которого не стыжусь и святым назвать]’ (Послание митрополита Климента Смолятича пресвитеру Фоме, 1147–1154 г. [Никольский 1892: 126; Лопарев 1892: 26]).

Здесь представлен так называемый двойной винительный падеж (accusativus duplex). В каждой из этих фраз переходный глагол имеет два объекта (два прямых дополнения), и каждый из них стоит в винительном падеже. Конструкция с двойным винительным была в славянских языках на ранней стадии письменной истории [Потебня 1958: 295–319; Ломтев 1956: 212–222]. Со временем она выходит из употребления, причем появляется тенденция заменять второй винительный на творительный (ср. *Называю Христа Богом*). Тем не менее в книжных текстах конструкция с двойным винительным встречается еще достаточно поздно, ср. в летописи XVI в. запись о браке Ивана Грозного с Марией Темрюковной в 1561 г.: «...а царь и великий князь Иванъ Василіевичъ всеа Русіи нарекъ еъ себѣ невѣсту» (Добавления к Никоновской летописи [ПСРЛ, XIII, 1906: 333]). Необходимо добавить, что двойной винительный зафиксирован в берестяных грамотах XIII – нач. XIV в. [Зализняк 2004: 158]; следовательно, такого рода конструкция в свое время была не только в книжных текстах, но и в живой речи.

1.3. Можно предположить (по крайней мере, в качестве рабочей гипотезы), что к такого рода конструкциям восходит и форма *молодца*: аналогично фразе *сказать дурака*, возможны были, по-видимому, фразы **сказать (кого) молодца* или **сказать (кому) молодца*, реликтом которых и является форма *молодца*. Возглас *молодца!* и означает в таком случае: ‘Я говорю тебе молодца’ или на современном языке: ‘Я говорю тебе «молодец»’. Говорящий при этом как бы удостоивает своего собеседника таким названием, он признает за собой полномочия называть его молодцом. Соответственно, общий смысл фразы *ай, молодца!* можно передать таким образом: ‘Браво, ты заслужил название «молодец»’.

Итак, фразы *сказать дурака* (реальная фраза), **сказать молодца* (возможная, реконструируемая фраза) выражают примерно то же содержание, что *сказать «дурак»*, *сказать «молодец»* — но на одном текстовом уровне.

В каком падеже стоят слова *дурак* и *молодец* в этих фразах?

Может быть, в винительном? В греческих, латинских и церковнославянских фразах, которые мы цитировали выше, дополнение при переходном глаголе стоит в винительном падеже. Однако в русском языке ситуация более сложная, поскольку в нем различается склонение одушевленных и неодушевленных объектов.

В самом деле, если мы усматриваем здесь винительный падеж, это означает, что формы *дурака* и *молодца* трактуются как одушевленные существительные. Эти формы действительно обозначают одушевленные существа, однако не непосредственно, косвенным образом: они обозначают не живое (одушевленное) существо как таковое, но слово (название), относящееся к этому существу.

Можно *позвать дурака* или *молодца*, и в этом случае глагол речи относится к одушевленному объекту (дураку, молодцу). Если же мы говорим *сказать дурака* или *сказать молодца*, глагол речи (*сказать*) непосредственно относится не к самому одушевленному объекту (дураку, молодцу), а к слову, его обозначающему (т. е. к названиям *дурак*, *молодец*). Вообще

⁷ Цитируем по Остромирову евангелию 1056–1057 г. (Остр. ев., л. 273). Аналогично в старославянских евангелиях — Маринском, Ассеманиеве, Саввиной книге, ср., однако, в Зографском евангелии: Оуже не гл[агол]ѣхъ вамъ рабъ (<...> вы же рѣхъ друзья (Зогр. ев., с. 166) (с заменой первого винительного дательным). В принятом сейчас тексте Елизаветинской библии 1751 г.: Не ктомъ васъ глаголю рабы (<...> васъ же рекохъ друзья.

слово *сказать* как переходный глагол, как правило, имеет прямое дополнение, обозначающее речь как таковую (например, *сказать речь, сказать слово, сказать правду* (т. е. правдивую речь), *сказать ерунду* и т. п.).

Винительный падеж при управляющем глаголе говорения может рассматриваться как синтаксический архаизм (см. выше, 1.2). Исторически такие фразы, как *сказать дурака* или *сказать молодца*, восходят к конструкциям с винительным падежом. Однако с развитием в русском языке категории одушевленности эти конструкции, как кажется, вступают в новые грамматические отношения и определенным образом переосмысляются.

1.4. Рассмотрим теперь пример из Достоевского, где фигурирует интересующая нас конструкция: *Я не вытерпел от него, от необразованного мужика, оскорбления, да и сказал ему дурака; а он мне — «от дурака слышал»* («Бедные люди», письмо 11 августа).

Это письмо Макара Девушкина к Варваре Доброселовой, где передается разговор Макара с сочинителем Ратазевым, сама фамилия которого говорит о том, что тот глуп⁸. Форма *дурака* здесь представлена дважды: в одном случае в тексте Макара Девушкина, автора письма, которое воспроизводится в повести (*я (...) сказал ему дурака*), в другом — в прямой речи его собеседника (Ратазева), которую он цитирует (*от дурака слышал*). В последнем случае слово *дурак* непосредственно относится к одушевленному объекту (а именно, к Макару Девушкину); в первом же случае это слово относится не к лицу как таковому, а к его наименованию (ср. выше, 1.3). При обозначении одушевленного существа форма *дурака* представляет собой форму винительного падежа. В том же случае, когда слово *дурак* не относится непосредственно к одушевленному существу, форма *дурака* не может, по-видимому, быть формой винительного падежа — она представляет родительный падеж.

Перед нами не что иное, как родительный приглагольный. Под родительным приглагольным здесь и далее понимается родительный падеж прямого дополнения при переходном глаголе; в обычном случае в качестве дополнения выступают при этом неодушевленные существительные⁹.

1.5. Аналогичное противопоставление формы *дурака* в родительном и винительном падежах находим у А. П. Чехова в письме к дяде Митрофану Егоровичу: *Лучше сказать человеку «мой ангел», чем пустить ему «дурака», хотя человек более похож на дурака, чем на ангела* (Письмо от 18 января 1887 г.).

Во фразе *человек похож на дурака* слово *дурак* обозначает одушевленное существительное и предстает в винительном падеже. Во фразе *пустить ему «дурака»* слово *дурак* относится к наименованию и оказывается в родительном падеже.

Отметим, что у Чехова сказано не *сказать дурака*, а *пустить дурака*. Известно также выражение *послать (кому) дурака* [БАС, III: стлб. 1162]. Ясно, что глаголы *пустить*, *послать* и *сказать* в этом контексте имеют один и тот же смысл. Чехов — представитель нового поколения, он говорит иначе, чем герои Гоголя и Достоевского. *Пустить дурака* построено по той же модели, что и, например, *пустить матюга* (ср. также *послать матюга*).

Надо полагать, таким образом, что форма *дурака* у Чехова, так же как у Гоголя и Достоевского, — это форма родительного падежа. Выражение *(за)пустить дурака* с винительным,

⁸ «Говорящие фамилии», содержащие характеристику персонажа, во многих случаях фигурируют у Достоевского при наименовании эпизодических фигур, появляющихся на фоне повествования (явление, восходящее к гоголевскому стилю и отражающее поэтику «натуральной школы») [Успенский 2000: 260–261].

⁹ Анонимный рецензент нашей статьи обнаружил в интернете фразу, которая, с его точки зрения, противоречит нашей трактовке: «...раз объяснил, второй объяснил — на третий *сказал ей дуру* и отправил на...» guns.allzip.org/topic/68/1068781.html — 13.X.2012 г.). Обращение к контексту показало, что при этом имеет место искусственная стилизация, имитирующая архаическую (если не непосредственно гоголевскую) речь. Этот пример не может служить контраргументом, опровергающим нашу интерпретацию.

а не родительным падежом прямого дополнения (ср. вариант: *запустить дурочку*) имеет иной смысл: оно означает ‘изобразить дурака, притвориться дураком’.

Ср. в этой связи выражение *пустить петуха* ‘неожиданно испустить высокую ноту’. Если речь идет просто-напросто об уподоблении петуху, мы должны считать, что слово *петух* стоит в винительном падеже. Если же имеется в виду уподобление именно петушиному крику, мы вправе, по-видимому, усматривать в этой фразе родительный падеж. Иначе говоря, мы определим словоформу *петуха* как форму родительного падежа, если представим, что речь идет о частичном уподоблении петуху (имитации его крика). Вместе с тем мы усмотрим здесь винительный падеж, предположив, что имеется в виду условное (временное) превращение в петуха.

Вообще трактовка омонимичной формы прямого дополнения как формы винительного или родительного падежа определяется различением одушевленных и неодушевленных объектов¹⁰. Это и проявляется в интерпретации выражения *сказать дурака*: мы трактуем *дурака* в этом выражении как форму родительного падежа именно потому, что глагол *сказать* в принципе не сочетается с одушевленным объектом.

2.1. Родительный прилагольный употребляется для обозначения прямого дополнения в тех случаях, когда действие глагола распространяется не на весь объект, а на его часть¹¹. Тем самым в его семантике заложена идея партитивности, т. е. членимости объекта, возможности выделить из него ту или иную часть. Основное (исходное) значение родительного прилагольного — это значение Genetivus partitivus, хотя оно может проявляться с большей или меньшей очевидностью.

Понятно, что в отношении слов мужского рода единственного числа и всех родов множественного в положительной конструкции (т. е. если в высказывании не содержится отрицания) речь может идти при этом только о неодушевленных объектах: в случае одушевленного объекта мы должны говорить не о родительном, а о винительном падеже.

Итак, в случае родительного прилагольного выражается неполная представленность объекта — предмета или явления, обозначение которого выступает как прямое дополнение при переходном глаголе¹². Родительный прилагольный в принципе обозначает часть, выделяемую из обозначаемого объекта как некоторого целого. Иначе говоря, некоторая часть обозначаемого объекта (предмета или явления), выраженная словом в родительном падеже, непосредственно противопоставляется объекту как таковому, т. е. объекту в целом, — при том, что сам этот объект противопоставляется другим объектам.

Мы можем сказать *дай мне хлеба* и *дай мне хлеб*. Если мы говорим *дай мне хлеб*, хлеб как предмет речи (тот предмет, о котором мы говорим) предстает как индивидуализированный объект: хлеб противопоставляется не-хлебу (например, булке, сахару и т. п.). Если же мы

¹⁰ Так, например, в грамматике Ломоносова фигурирует пример винительного падежа: *Нашего мшкиа обманули*, где слово *мешок*, очевидно, относится к человеку [Ломоносов, VII: 460]: это слово означает неуклюжего, мешковатого человека [Сл. XVIII в., XII: 172]. Напротив, во фразе *дай мешка* (такого рода фразы, как мы увидим, были возможны и вполне употребительны по крайней мере до нач. XX в., см. ниже, 3.1), слово *мешок* оказывается в родительном падеже.

¹¹ Ср.: «Родительный падеж имени [в отношении к действию, выраженному глаголом] означает, что представление, соответствующее имени, находится в пределах действия, выраженного глаголом, затрагиваясь им лишь отчасти» [Шахматов 1925: 83]; «Сам по себе родительный падеж указывает лишь на то, что объем участия предмета в содержании высказывания меньше его полного объема» [Jakobson 1971: 38; Jakobson 1985: 146]. Ср. также: «Главная роль индоевропейского родительного падежа заключалась, по-видимому, в том, что он обозначал целое, от которого берется часть; в таком употреблении родительный падеж служит дополнением к какому угодно слову, к имени или глаголу» [Мейе 1938: 351].

¹² Р. О. Jakobson говорит о неполном участии объекта в содержании высказывания [Jakobson 1971: 38; Jakobson 1985: 146].

говорим *дай мне хлеба*, часть хлеба непосредственно противопоставляется хлебу как целому, и только опосредованным образом хлеб в этом случае может противопоставляться другим объектам.

Противопоставляя часть объекта самому объекту (объекту как целому), родительный прилагольный по преимуществу сочетается с глаголом совершенного вида [Jakobson 1971: 40; Якобсон 1985: 147; Падучева 1996: 182–184]¹³. Совершенный вид представляет совершившееся действие в перспективе говорящего или его речевого заместителя¹⁴; эта же перспектива проявляется и в представлении о неполноте объекта, выражаемого родительным падежом.

Можно сказать вообще, что совершенный вид дистанцирует говорящего (или его речевого заместителя) от обозначаемого им действия: он полагает предел обозначаемому действию, т. е. выражает действие в той мере, в какой оно совершилось, было осуществлено на данном этапе [Успенский 2008: 838]. Вместе с тем, родительный падеж «всегда отмечает предел участия обозначаемого им предмета в содержании высказывания» [Jakobson, 1971: 38; Якобсон, 1985: 146]; оценка неполноты объекта действия, так же как и оценка результата действия производится говорящим (или его заместителем).

Итак, характеристика действия (как совершившегося) и характеристика объекта (как части, вычлененной из целого) указывают на позицию говорящего (или его представителя) и тем самым оказываются соотносенными.

Характерным образом некоторые фразеологизмы со словом *дать* или *здать* (в совершенном виде!), управляющие родительным падежом прямого дополнения, включают в себя существительные, которые известны только в родительном падеже (имеются в виду слова с усеченной парадигмой, представленной только в одном падеже — родительном). Таковы выражения со значением внезапного, резкого движения; они представляют собой сочетание глагола совершенного вида с существительным мужского рода единственного числа. Родительный падеж этих существительных может быть определен как Genetivus partitivus; в ряде случаев они имеют форму второго родительного (ср. ниже, 2.2). Они могут означать удар (*дать тумака́, дать пинка́, дать разá, дать леца́, дать киселя, дать пенделя* и т. п., ср. *дать ма́ху* ‘промахнуться’) или же внезапную ретираду (*дать хóду, дать бéгу, дать дёру, дать дра́пу, дать тягу*¹⁵, *дать дра́ла, дать дылка́, дать лызка́, дать лытка́, дать стречка́* и т. п.); семантически эти два значения, по-видимому, связаны — их объединяет представление о быстром движении, направленном в сторону, прочь от говорящего¹⁶.

¹³ Так обстоит дело в положительных конструкциях (без отрицания, относящегося к глаголу). В конструкциях с отрицанием наблюдается прямо противоположная картина: в обычной (немаркированной) ситуации родительный прилагольный сочетается именно с глаголом несовершенного вида. Так можно сказать *поел хлеба*, но невозможно — **ел хлеба*; между тем в отрицательной конструкции фраза *не ел хлеба* является не только возможной, но и наиболее естественной и нейтральной (немаркированной), не выражая никакого дополнительного смысла (см. подробнее ниже, 3.4). Следует подчеркнуть, что мы говорим о современном русском литературном языке. В диалектной речи, а также в истории языка родительный прилагольный более свободно сочетается с глаголами несовершенного вида [Кузьмина 1993: 30–31; Малышева 2004; Крысько 2006: 225].

¹⁴ О речевом заместителе говорящего (в нарративе или вообще в режиме вторичного дейкиса) см. [Успенский 2011: 11–24].

¹⁵ Это выражение, можно думать, — не с винительным падежом от слова *тяга*, но со вторым родительным падежом от несуществующего слова **тяг*, образованного от глагольной основы по аналогии с другими выражениями такого рода.

¹⁶ Указанным выражениям с дополнением в родительном падеже могут соответствовать выражения с дополнением в винительном падеже в виде *poen agentis* (с тем же значением ‘убегать, улизнуть’). Ср.: *дать бегу* — *дать бегуна*; *дать тягу* — *дать тягуна* или *тягача*, *дать лытка* — *дать лытуна*; ср. также близкие *дать стречка* — *дать стрекача*. Отметим *здать бегуна* у Гоголя: *...задал он такого бегуна, как будто панской иноходец* («Заколдованное место»). Возможно, по аналогии с этими выражениями появилось такое разговорное выражение, как *пустить шептуна* ‘испортить воздух’.

Возьмем, например, выражение *дать тумака*; поскольку *тумака*, очевидно, не является одушевленным существительным (не обозначает живое существо), форма *тумака* не может быть формой винительного падежа: это родительный падеж, и мы вправе, по-видимому, трактовать его как *Genetivus partitivus*. Выражение *дать тумака* ближайшим образом напоминает такие фразы, как *дать пирога* и т. п. (и мы можем *угостить* тумаком, подобно тому, например, как можем *угостить* пирогом): имеется в виду, так сказать, не совершенный (полноценный) тумака, а его порция (такое понимание — восприятие отделения части от целого — отразилось, между прочим, в выражении *отвесить тумака*).

К отмеченным выражениям с общей семантикой удара примыкает выражение *забить шарá* (или *играть шарá*, *сделать шарá*, *загнуть шарá* и т. п.) в профессиональном жаргоне бильярдистов. Принято считать, что слово *шар* склоняется в этом случае как одушевленное существительное [РГ 1980, I: 464; Валгина и др. 2002: 151–152]¹⁷. Полагаем, что здесь должен быть усмотрен не винительный, а родительный падеж прямого дополнения, и именно, родительный разделительный (*Genetivus partitivus*): в основе этого выражения лежит представление не о конкретном (индивидуальном) шаре, а о шаре вообще, одной из манифестаций которого оказывается сыгранный шар¹⁸. Выражение *забить шарá* построено, видимо, по той же модели, что *дать тумака* (*пинка*, *разá* и т. п.): шар выступает при этом не как физический объект, а как отвлеченное понятие, которое предстает в партитивном значении¹⁹.

Аналогичным образом следует рассматривать, на наш взгляд, выражение *дать ходу* (или *бегу*, *драпу* и т. п.). Слово *ход* (а также *бег*, *драп* и т. п.) представлены здесь в специфической форме второго родительного падежа. Второй родительный выделяет вообще некоторую часть трактуемого события [Успенский 2004: 11–13]: в данном случае, очевидно, имеется в виду не ход как таковой в его полном и законченном проявлении, а приближение к нему — его начальная стадия²⁰.

2.2. Итак, родительный приглагольный в принципе обозначает часть, выделяемую из обозначаемого объекта как некоторого целого. В типичном случае этот (членимый) объект мыслится как совокупность качественно одних и тех же частей (ср., например: *налить молока*;

¹⁷ Такое толкование восходит к повести Льва Славина «Наследник» (1931 г.), на которую и ссылаются исследователи. Ср.: *Он притворился обезумевшим от радости и кинулся на третий шар, которого не забил. Такого шара промазали, — сказал студент с насмешкой. Подобно всем игрокам он склонял шар в родительном падеже, как живое существо, ибо ни один бильярдист не может заставить себя видеть в шаре неодушевленный предмет — так много в нем чисто женских капризов, внезапного упрямства и необъяснимого послушания.* Это типичный пример профанного осмысления фразеологического оборота.

¹⁸ Можно считать, что речь идет об абстрактной совокупности всех мыслимых шаров или тумак и т. п. Принадлежность к этой совокупности и определяет при таком понимании форму родительного падежа.

¹⁹ Представляется уместным остановиться в связи со сказанным на одном эпизоде из истории русской литературной полемики, связанном с обсуждаемой темой, а именно, с выражением *дать разá*. В 1736–1737 гг. Ломоносов, читая стихотворческий трактат Третьяковского («Новый и краткий способ к сложению российских стихов», 1735 г.), пометил фразу «О разá преслабополучна!» и написал на полях: «О!!! велелъпнѣйшія оплеухи!» [Берков 1936: 65]. Очевидно, что Ломоносов воспринял *разá* (форму родительного падежа от *раз* ‘случай’), основываясь на фразеологизме *дать разá* ‘ударить’. В обоих случаях *раз* является производным от глагола *разить*, но у Третьяковского представлен *Genetivus exclamationis* (от *раз* ‘случай’), тогда как у Ломоносова — *Genetivus partitivus* (от *раз* ‘удар’). Таким образом, книжной синтаксической конструкции Ломоносов противопоставляет просторечную, оформляя ее при этом как книжную. В самом деле, запись Ломоносова выглядит как *Genetivus exclamationis*, сохраняя значение *Genetivus partitivus*: Ломоносов оформляет просторечное выражение по нормам книжного синтаксиса.

²⁰ Второй родительный падеж характеризует вообще слова с вещественным или абстрактным (отвлеченным) значением ([Шахматов 1925: 103], ср. ниже, 2.2). Очевидным образом слово *ход* в выражении *дать ходу* трактуется именно как абстрактное понятие.

купить хлеба; поест каши; пожелать счастья, денег и т. п.)²¹. Однородность выражается в том, что любая часть, вычленяемая из объекта, обозначается в языке тем же образом, что и сам этот объект (так, например, любой кусок мяса может называться *мясо*; поэтому, когда мы говорим *дай мяса*, мы имеем в виду какую-то часть того, что вообще называется мясом); таким образом, речь идет о качественно однородных частях, которые могут быть разными по своему количеству. Однородность характеризуется, таким образом, произвольной членимостью называемого объекта: как бы мы ни членили хлеб или мясо, любая вычленяемая часть называется хлебом или мясом²². Этого не происходит между тем при расчленении вещей, которые не характеризуются однородностью: если мы разорвем, например, книгу, у нас в руках окажутся разнородные ее части (страницы, переплет и т. п.).

Так обстоит дело прежде всего при обозначении вещества или массы, а также свойства, абстрактного понятия и т. п. — иначе говоря, у слов с вещественным или отвлеченным значением [Шахматов 1925: 103; Успенский 2004: 18]²³. Можно сказать, что такие слова обозначают предметы или явления, состоящие из однородного материала.

Сказанное относится к современному русскому языку, при том что примеры такого рода зафиксированы уже в древнерусском²⁴. Это явление находит параллели в других языках, в частности, в романских, где русскому родительному прилагательному может соответствовать предложная конструкция с партитивным значением, ср. русск. *дай мне хлеба* — франц. *donne moi du pain* — итал. *dammi del pane* и т. п.²⁵ Ниже мы вернемся к этому вопросу (см. 4.1).

Некоторые из слов с вещественным или отвлеченным значением (к ним относятся слова мужского рода, не имеющие множественного числа) обладают особой формой второго родительного падежа с окончанием *-у/-ю* [Успенский 2004: 11–19]²⁶. Значение второго родительного не противопоставлено значению основного (стандартного) или общего родительного падежа, но покрывается им. Как правило, форма второго родительного падежа может быть заменена на форму основного родительного без какого-либо ущерба для

²¹ Ср. такое не употребительное ныне выражение, как *зажечь огня*. У Толстого читаем: *Постойте, сейчас огня зажгу* («Война и мир», т. IV, гл. 16). В этой фразе подспудно присутствует мысль, что зажигается не обязательно весь огонь, который можно зажечь в доме, а сколько-то огня. Имеется в виду: немного огня, как о го-ни будь огня. Предпочтению формы родительного падежа перед винительным способствует при этом инверсия порядка слов (постановка объекта перед глаголом). Ср. обычные обращения с просьбой прикурить: *дай огня, оговьку* (в ситуации просьбы актуализируется партитивное значение, ср. ниже, 3.3).

²² Произвольная членимость может трактоваться как неисчисляемость, ср. понятия «исчисляемых» и «неисчисляемых» существительных.

²³ Абстрактные понятия вообще трактуются в языке как предметы с теми или иными свойствами [В. Успенский 2002].

²⁴ См. в смоленской грамоте 1223–1225 гг.: «Аже кто оурвѣтъ бороды смолнанинѣ въ Ризѣ или на Гѣтскомѣ бѣрѣзѣ, или смолнанинѣ немьчицу, томоу оуроку 3 грив[ны] сѣрѣбра. Оже оурвѣтъ немьчицѣ бороды смолнаниноу Смольньскѣ, дати емоу 3 грив[ны] сѣрѣбра. Оже оурвѣтъ бороды немьчицѣ боариноу или коуноемьчи, дати емоу 5 грив[ен] сѣрѣбра» [Смол. грамоты, 1963: 13]; *коуноемьць* или *коуноемьца* — ‘сборщик податей’. Ср. еще примеры [Соболевский 1907: 170–171; Крысько 2006: 179–180].

²⁵ Это отмечает уже Лудольф в грамматике 1696 г.: «Неопределенное количество, как и во французском, выражается в родительном, как например *дай мнѣ хлѣба*, нем. *gebt mir brod* — *дай мнѣ хлѣбъ* значит “весь, целый *хлѣбъ*, нем. *gebt mir das brod*”» [Ludolf 1696: 14; Лудольф 1937: 120]. Жан Соье в грамматике 1724 г. воспроизводит этот пассаж во французском переводе, добавляя к немецким примерам французские: *дай мнѣ хлѣба* — *donne moi du pain*; *дай мнѣ хлѣбъ* — *donne moi le pain* [Sohier, I: 23].

²⁶ Второй родительный падеж морфологически совпадает с дательным падежом соответствующего слова (он образуется только от слов мужского рода и имеет окончание *-у/-ю*), но синтаксически — по своему употреблению — соотносится со стандартным родительным падежом.

смысла. Напротив, форма основного родительного отнюдь не всегда может быть заменена на форму второго родительного. Таким образом, формы второго родительного маркированы по отношению к соответствующим формам основного (стандартного) родительного падежа [Там же: 13–14].

Значение второго родительного падежа сводится именно к обозначению произвольной членимости называемого объекта или явления. Не все предметы и явления с такой характеристикой обозначаются словами, обладающими формой второго родительного, но все слова, имеющие форму второго родительного, выражают произвольную членимость.

2.3. Слова с вполне конкретным, индивидуализированным значением при известных условиях могут превращаться в обозначение однородной массы, уподобляясь таким образом словам с вещественным или отвлеченным значением. Чаще всего это происходит во множественном числе.

Так, например, у глаголов *дать*, *взять*, *купить* и т. п. прямое дополнение во множественном числе может иметь как винительный, так и родительный падеж. В единственном числе возможен только винительный: мы говорим, например, *купить книгу*, *купить карандаш* и т. п. Между тем во множественном числе возможен как винительный, так и родительный; можно сказать, например, *купить книги*, а можно — *купить книг*; можно сказать *купить карандаши*, а можно *купить карандашей*; говорят *купить гвозди* и *купить гвоздей*; *купить конфеты*, но также *купить конфет*; ср.: *купить орехи* или *орехов*, *сухари* или *сухарей*, *яйца* или *яиц*, *груши* или *груш*, *арбузы* или *арбузов*, *тетради* или *тетрадей*, *открытки* или *открыток* и т. п. [Дурново, II: 63; Исаченко, I: 85–86]. Когда мы употребляем родительный падеж прямого дополнения (т. е. когда мы говорим *купить конфет*, *орехов*, *сухарей* и т. п.), множество соответствующих предметов трактуется как однородная масса, где теряются индивидуальные различия (присущие отдельным предметам при наименовании их в единственном числе): происходит д е з и н д и в и д у а л и з а ц и я этих предметов.

Такого рода дезиндивидуализация наблюдается в русском языке не так редко. Она очень ярко выражена в таких, например, конструкциях, как *пойти в солдаты*, *постричься в монахи* или *служить в солдатах*, *быть в монахах* и т. п., где предлог *в* выступает в сочетании с существительным во множественном числе — в винительном или предложном падеже (винительный падеж выражает при этом переход лица в определенное состояние, означающее социальную роль, предложный — пребывание в этом состоянии); ср. также аналогичные конструкции с предлогом *из* (*происходить из солдат*, *выйти из монахов* и т. п.). Подобные конструкции возможны вообще лишь в том случае, если речь идет о людях, которые объединяются той или иной социальной ролью (в частности, характеризуются тем или иным видом деятельности). Существительное во множественном числе означает при этом социальную группу, которая трактуется как совокупность однородных объектов: имеется в виду произвольно членимая совокупность лиц, выступающая как единое целое. Аналогия со словами, выражающими вещество или массу (см. выше, II–2), представляется вполне наглядной [Ворт 1998: 10–12; Успенский 2004: 27–32].

Слово во множественном числе означает в подобных конструкциях безличную, сплошную массу. Поэтому в конструкции с винительным падежом это слово трактуется как неодушевленный объект — при том, что речь идет о совокупности лиц, т. е. об одушевленных объектах [Аванесов, Сидоров 1945: 121].

Мы можем сказать *произведен в офицера* или *произведен в офицеры*, *рукоположен в епископа* или *рукоположен в епископы* и т. п.; в одном случае объект в винительном падеже склоняется как одушевленный, в другом — как неодушевленный.

Понятно, как это происходит: соответствующие слова в единственном числе обозначают как отдельного человека, так и его социальную принадлежность (профессию, чин или вообще вид деятельности). При образовании множественного числа теряется значение лица и остается обозначение социальной роли (вида деятельности); таким образом слово теряет свою одушевленность и становится обозначением неодушевленного объекта.

Если в случае второго родительного падежа целое предстает как некоторая масса, из которой вычленяется какая-то ее часть, то в рассматриваемых случаях, напротив, речь идет об обезличении, о превращении в массу: речь идет не о материале как таковом, а о том, что становится материалом. Слова, образующие второй родительный падеж, изначально обозначают сплошную массу, которая в принципе не распадается на отдельные составляющие элементы; между тем в конструкции типа *пойти в солдаты* общая совокупность отдельных элементов предстает как масса.

Такая же дезиндивидуализация, когда множество лиц трактуется как однородная обезличенная масса, выражается в особой форме родительного падежа множественного числа, омонимичной именительному падежу единственного числа, — в таких, например, словах, как *солдат, гусар, драгун, улан, гренадер* и т. п. Слова *солдат, гусар* и т. п. могут означать как именительный единственный, так и родительный множественного, ср. *один солдат — полк солдат, один гусар — полк гусар*. Эти слова имеют в родительном множественном нулевое окончание, если они выражают собирательное значение; когда же речь идет об отдельных людях, они, как правило, имеют окончание *-ов* [Зализняк 1967: 228; Успенский 2004: 36]. Так, мы говорим *полк гусар*, но *множество гусаров* и т. п.; это различие очень заметно в языке Пушкина [Успенский 2004: 92–93]. Слово *солдат* в литературном языке не имеет параллельной формы *солдатов*, и это потому, что за солдатами во множественном числе закрепилось значение безликой массы, совокупности людей, лишенных индивидуальных признаков.

Не случайно со всеми словами такого рода (см. их список в [Зализняк 1967: 228]) возможна конструкция типа *пойти в солдаты* (ср.: *пойти в гусары, драгуны, уланы* и т. п.; *произвести в гардемарины, кадеты* и т. п.). Действительно, как в том, так и в другом случае речь идет о совокупности лиц, объединенных по социальному признаку. Характерным образом при этом форма родительного множественного типа *гусар* в принципе не допускает ограничительного определения, подобно тому как невозможно оно и в конструкции типа *пойти в солдаты*. В самом деле, нехорошо сказать **полк смелых гусар*, лучше сказать *полк смелых гусаров*; точно так же невозможно сказать **пойти в удалые солдаты* и т. п.

Форма родительного множественного в таких словах, как *солдат, гусар* и т. п. оказывается омонимичной форме именительного единственного: в сущности, множество трактуется в подобных случаях как единое целое, т. е. противопоставление по числу нейтрализуется, как нейтрализуется и противопоставление по одушевленности. Характерно при этом, что омонимия с формой именительного падежа имеет место как в случае *полк гусар*, так и в случае *пойти в гусары* (форма, омонимичная именительному единственному в одном случае, именительному множественного — в другом).

То же значение совокупности как единого целого со стиранием индивидуальных различий прослеживается при употреблении собирательных числительных (*двое, трое, четверо* и т. п.). Эта общая совокупность предстает как единая масса, как множество однородных объектов, которые не отличаются друг от друга, и поэтому такие конструкции оказываются неуместными по отношению к лицам, занимающим привилегированное положение в обществе. Уже Ломоносов отмечал в своей грамматике, что собирательные числительные употребляются «только о людях, и то по большей части низких, ибо неприлично сказать: *трое боярь, двое архiereевъ, но три боярина, два архiereя*» [Ломоносов, VII: 558, § 491]²⁷. Как в конструкции *пойти в солдаты*, так и в конструкции *двое слуг* существительное во множественном числе означает обезличенную субстанцию, не поддающуюся индивидуализации, — безликую массу, состоящую из людей, которые теряют свой индивидуальный характер [Успенский 2004: 39–40].

Такая же дезиндивидуализация происходит и в древнерусском языке, когда обозначение лица с указанием этнической принадлежности при образовании множественного числа становится обозначением этноса или топонима. Ср. в Ипатьевской летописи под 1152 г.:

²⁷ Точно так же в современном языке не скажут — в нейтральном контексте — *двое президентов, двое генералов, двое начальников* и т. п. Вместе с тем, такие фразы возможны, если хотят подчеркнуть отрицательное отношение к названным лицам или к занимаемой ими должности.

«Половци же поидоша от них туда на Путивль в Половци» ([ПСРЛ, II, 1908: стлб. 458], ср. также стлб. 562 под 1173 г. и т. п.); в первом случае *половци* означает совокупность половцев, во втором — место, где они живут²⁸.

Во всех этих случаях слово при определенных условиях уподобляется обозначению однородной, произвольно членимой массы. Происходит дезиндивидуализация, и слово в этой ситуации оказывается в той же роли, что слова с вещественным или отвлеченным значением. В приведенных примерах это проявляется во множественном числе: слово, обладающее вообще вполне конкретным, индивидуализированным значением, во множественном числе меняет свою характеристику и обозначает однородную массу, подобно тому, как это происходит у слов с вещественным или отвлеченным значением (которые выступают как *singularia tantum*, т. е. у которых вообще нет противопоставления единственного и множественного числа).

Таким образом, интересующее нас значение (которое можно определить как партитивное) может не только характеризовать слово как таковое (т. е. слово как единицу языка), но также появляться у слова при определенных условиях (ср. ниже, 3.3).

3.1. Напомним ход предшествующих рассуждений.

Мы говорили, что родительный прилагольный в принципе имеет партитивное значение: он обозначает часть, выделяемую из обозначаемого объекта как некоторого целого. Это значение особенно отчетливо представлено у слов с вещественным и отвлеченным значением, когда обозначаемый объект мыслится как совокупность качественно однородных частей. У некоторых слов это значение может получать особое оформление (форму второго родительного).

Однако прямое дополнение в родительном падеже совсем не сводится к словам с вещественным и отвлеченным значением. Приведем примеры иного рода, которые не соответствуют представлению об объекте, состоящем из однородного материала.

Так, в русском разговорном языке, по крайней мере до начала XX в., родительный прилагольный мог быть и у слов (неодушевленных существительных), обозначающих индивидуальные объекты, не поддающиеся членению на однородные части. Можно было сказать, например: *Дайте мне топора* или же *ножа, пояса, шляпы*; *Одолжи мне своего пера, своей книги, палки*; *Дайте мне вашего самовара, седла*; *Позвольте мне Ваших часов* и т. п. [Томсон 1908: 295; Thomson 1911–1912: 250–251]. Как видим, речь идет в этих фразах о просьбе или приказе: имеется в виду отдача (выдача), передача или же получение чего-то²⁹. Как правило, при этом фигурирует глагол *дать* или глаголы, так или иначе с ним связанные. В принципе глагол *дать*, как уже отмечалось (ср. выше, 2.1), способствует актуализации партитивного значения у прямого дополнения.

²⁸ Пример указан А. Ф. Литвиной.

²⁹ Лишь у некоторых глаголов прямое дополнение в родительном падеже может соответствовать языковой норме. Таковы глаголы, выражающие ожидание (чего-то), достижение (чего-то), искание (чего-то), желание (чего-то) [Шахматов 1941: 322–323, § 425г]; все они косвенно связаны с процессом получения (*ждать поезда, случая; просить разрешения, пощады; требовать отчета; хотеть покоя; искать квартиры; достигать успеха* и т. п.). Сюда же относятся глаголы со значением лишения, а также удаления, опасения и т. п. (*бояться холода, лишаться покоя; избегать опасности*); эти глаголы обратным образом тоже связаны с семантикой получения — в том смысле, что они выражают процесс или состояние, противоположные процессу получения. В одних примерах объект выражен существительным с отвлеченным значением, что отвечает семантике родительного разделительного (*Genetivus partitivus*) (ср. 2.2), в других же речь идет о действии с постепенным обретением результата, что предполагает условную членимость на фазы, т. е., опять-таки, семантику партитивности. Заметим, что глаголы с достигательным и отложительным значением (*избегать, достигать* и др.) в соответствии со старой нормой вообще не допускали винительного падежа прямого дополнения: прямое дополнение могло быть у них только в родительном падеже [Ицкович 1982: 34].

По словам А. И. Томсона, такого рода примеры встречаются нередко, «хотя под влиянием учебной грамматики, игнорирующей такое употребление родительного падежа, оно избегается в языке образованного общества». Приведенные выше примеры в большинстве своем, взяты из «“домашнего языка” интеллигентных русских» [Томсон 1908: 295] (ср. [Thomson 1911–1912: 250–251]). «Если обратиться с вопросом о правильности этих фраз к образованным чисто русским людям, — говорит Томсон, — то они обыкновенно сначала открещиваются от них. Потом оказывается, что для слуха громадного большинства такие фразы совершенно привычны и не возбуждают их внимания как неправильность, и что многие из них употребляют сами такие фразы в домашнем разговоре, особенно с детьми. Встречаются, впрочем, лица, для которых это употребление родительного падежа, по-видимому, чуждо, которые, следовательно, не сталкивались с лицами и диалектами, сохраняющими его» [Там же: 296]. Между тем Якобсон, обсуждая примеры Томсона, писал в 1930-е гг., что подобное употребление родительного падежа «воспринимается как исчезающий в настоящее время [в первой пол. XX в.] архаизм (...) Томсон утверждает, что подобный родительный временного ограничения еще донныне живет в бытовом языке многих образованных людей; однако для разговорного языка культурных центров это, конечно, неверно» [Jakobson 1971: 40; Якобсон 1985: 147–148]³⁰.

Надо полагать, что в свое время родительный прилагольный был более распространен, чем сейчас (имел более широкую сферу применения), — что и отразилось в речи предшествующих поколений; это явление широко представлено в диалектной речи и фольклоре русского Севера [Маркова 1988; Малышева 2004; 2008; 2010].

Возникает вопрос: как проявляется при этом партиитивность, присущая, как кажется, вообще родительному прилагольному? Можно ли говорить в подобных случаях о вычленении части из целого или вообще — об отношениях части и целого?

3.2. Явление, о котором сейчас идет речь, — родительный падеж прямого дополнения у неодушевленных существительных, которые обозначают индивидуальные объекты, не поддающиеся членению на однородные части, — впервые было описано Ломоносовым. Он предложил интерпретацию этого явления, и интерпретация эта прочно закрепилась в грамматических описаниях: последующие исследователи языка, в сущности, повторяли то, что было сказано Ломоносовым.

Ломоносов предлагает два объяснения для синтаксических конструкций с родительным прилагольным, которые не кажутся прямо связанными друг с другом. Так, в «Российской грамматике» Ломоносова (1757 г.) говорится: «Принимают нередко действительные [т. е. переходные] глаголы и родительный падеж [наряду с винительным], когда их сила не ко всей вещи, но к части, и не во все время, но ненадолго простирается: *дай воды*, то есть немного, часть оныя; в прочем должно сказать: *дай воду*. *Посулить кому лошади* разумеется не на долгое время; *посулить лошадь* значит, чтоб отдать ее вовсе. В сем заключается еще учтивость: *покажи свою книгу* — сказано со властью; *покажи своей книги* — речь учтивее» [Ломоносов, VII: 561, § 503]. В подготовительных материалах к грамматике Ломоносова читаем: «*Поддай воды*, часть, на время. *Дай книгу*, значит вовсе. *Дай книги*, значит на час. *Покажи книги* — вежливо. *Покажи книгу* — со властью. *Подержи стакана* [— вежливо]. *Подержи стакан* [— со властью]» [Там же: 614–616]³¹.

Отметим, что Ломоносов прямо связывает фразы *дай воды* и *посулить лошади*, очевидно, видя в них аналогичную грамматическую конструкцию. *Дай воды* — это партиитивная

³⁰ О родительном временного ограничения см. ниже, 3.2.

³¹ Насколько можно понять, Ломоносов связывает значение временного пользования с формами общего (общего) родительного падежа, но не второго родительного, ср.: «*Дай магнита*, т. е. ненадолго. *Дай магниту*, т. е. часть» (подготовительные материалы к грамматике [Ломоносов, IX: 637]). По-видимому, в первом примере (*дай магнита*) имеется в виду магнит как предмет (ср. *дай ножа*), во втором (*дай магниту*) — магнит как вещество (ср. *дай сахару*).

конструкция (конструкция с родительным разделительным, т. е. Genetivus partitivus); надо полагать, что Ломоносов усматривает такую же конструкцию и во фразе *посулить лошади*. Ниже мы вернемся к такого рода уподоблению (см. 3.3).

Выводы Ломоносова повторяет затем А. А. Барсов в «Российской грамматике» 1783–1788 гг.: «Когда сила действительного [т. е. переходного] глагола не ко всей вещи, но к некоторой ее части, или не на все время, но токмо не на долго простирается: то винительный претворяется в родительный, на пр. *дай воды, купил дровь, возму муки*, т. е. несколько, часть, потребное число и проч. *Посулить кому лошади*, разумеется не вовсе, но на ссуду, не на долгое время, для некотораго употребления и с возвратом потом. На против чего *Дай воду* разумеется всю. *Купил дрова* т. е. все те, о коих говорено или иначе известно, а *посулить лошадей*, собственно значит с тем, чтоб отдать ее вовсе. В сем заключается еще учтивость: *Покажи свою книгу* сказано как бы со властью; *покажи своей книги*, речь учтивее» [Барсов 1981: 212].

Таким образом, Ломоносов и, вслед за ним, Барсов приписывают конструкциям с родительным приглагольным значение неполного, временного пользования (иначе говоря, действия с результатом, ограниченным во времени)³². Это утверждение становится затем общим местом, которое повторяется из работы в работу. Так, А. Х. Востоков писал: «Глаголы *дать, одолжить, выпросить*, и проч., когда при них подразумеваются слова: *на время* или *на нѣсколько времени*, управляют родительным количества в имени предмета даваемого или получаемого на время; напр. *одолжи мнѣ своего пера, своей чернилицы*» [Востоков 1831: 252–253]. По словам Ф. И. Буслаева, такие конструкции появляются «при глаголах действительного залога, обращающих свое действие на часть предмета, или на весь предмет, но на известное время; напр. *подать воды, посеять тиеницы, одолжить ножа, дать взаймы денег, занять денег, посулить кому лошади*, т. е. не вовсе отдать, но дать на подержание, на некоторое время и с возвратом потом; а *посулить кому лошадь* — значит отдать совсем, подарить»; ссылаясь на грамматику Ломоносова, Буслаев при этом добавляет: «В старинной речи родительным при глаголе действительном означалась учтивость» [Буслаев 1959: 461]. Точно так же А. А. Шахматов констатирует затем, что родительный приглагольный может означать «предметы и состояния, испрашиваемые во временное пользование: *Дай шаечки, когда вымоешься* (Помяловский, «Очерки бурсь»), *Дайте мне ножичка*» [Шахматов 1941: 322, § 425в; Дурново, II: 63]. То же говорит А. И. Томсон: «*Дай мне твоего (своего) ножа, ножика* (в смысле: на время)» [Томсон 1908: 295]; в другой работе Томсон переводит фразу *Дай мне твоей книги* как ‘gib mir dein Buch auf eine Zeitlang’, замечая при этом: «В таких случаях (<...>) представлено более общее и неопределенное сужение глагольного значения, чем это выражается в переводе» («In den Fällen (<...>) wie russ. *дай мнѣ твоей книги* ‘gib mir dein Buch auf eine Zeitlang’ liegt wohl eine allgemeinere und unbestimmtere Einschränkung der Verbalbedeutung zugrunde, als diese Übersetzung ausdrückt» [Thomson 1911–1912: 250–251].) Равным образом Р. О. Якобсон, обсуждая фразу *Дай мне твоего ножа*, определяет форму *ножа* в этой фразе как «родительный партитивный (или разделительный), ограничивающий во времени участие предмета в содержании высказывания» [Jakobson 1971: 40; Якобсон 1985: 147–148].

Итак, если предмет членится на однородные части (см. выше, 2.2), имя в родительном падеже, управляемое переходным глаголом, обозначает часть, вычленяемую из обозначаемого объекта (например, *дай каши, дай денег*); если же предмет не членится на однородные части, отношение членности переносится с предмета на действие или состояние, которое к нему относится (например, *дай ножа, дай топора*). Таким образом устанавливается параллелизм между характеристикой предмета и характеристикой относящегося к нему действия или состояния [Успенский 2004: 101–102; 2008: 847]. Не случайно Ломоносов, как мы видели, соотносит такие фразы, как *дай воды* и *посулить лошади*, полагая, что в них выражается сходный смысл — при том, что в одном случае имеется в виду ограничение

³² Ср. диалог из разговорника XVII в., который мы цитируем ниже (в примеч. 37).

в упоминаемом объекте (дать часть воды, не всю воду), в другом ограничение в совершаемом действии (обещать отдать на какое-то время, не навсегда).

Так объясняется значение временного пользования, появляющееся у родительного прилагательного, когда речь идет о предметах, не поддающихся членению на однородные части. Родительный временного пользования появляется в русском литературном языке не позднее XVII–XVIII вв.³³ и исчезает из него в первой четверти XX в.; в диалектной речи он представлен повсеместно и сохраняется по сей день ([Кузьмина 1993: 31–32]; ср. также [Лопатина 1998: 237–238; Малышева 2008: 233–235]).

Как видим, родительный временного пользования — это частный случай проявления партитивности, присущей вообще родительному прилагательному (см. выше, 2.1). Вместе с тем, родительный прилагательный при обозначении объектов, не поддающихся членению на однородные части, не сводится к семантике временного пользования. Так, Ломоносов и Барсов указывают еще на один типичный случай такого рода: они говорят о том, что употребление родительного прилагательного может быть связано с установкой на вежливую речь. Буслаев считает это особенностью «старинной речи», что, может быть, не совсем точно³⁴.

Речь идет о конструкциях с глаголом в повелительном наклонении (см. выше примеры Ломоносова и Барсова). Здесь может быть усмотрен параллелизм в употреблении глагольного вида и падежа. Как уже упоминалось, родительный падеж прямого дополнения обычно предполагает совершенный вид глагола, к которому оно относится (см. выше, 2.1). В современном русском языке в повелительном наклонении вежливее употребить форму совершенного вида, чем несовершенного: *Реши мне эту задачу* вежливее, чем *Решай мне эту задачу*, и т. п. [Карцевский 1962: 223; Успенский 2008: 842]. Вместе с тем, в языке XVIII в., по свидетельству Ломоносова и Барсова, при глаголе в повелительном наклонении вежливее было употребить форму родительного падежа: *Покажи своей книги* было учтивее, чем *Покажи свою книгу*. В этих условиях противопоставление родительного и винительного падежа прямого дополнения оказывается аналогичным противопоставлению совершенного и несовершенного вида переходного глагола.

Но каким образом родительный прилагательный был связан с вежливой речью? Как проявляется здесь семантика партитивности?

3.3. Рассмотрим еще один пример из Гоголя. Речь идет об эпизоде, где Чичиков покупает мертвые души у Собакевича. Мы читаем: *Чичиков попросил списочка крестьян* («Мертвые души», гл. V).

Обращает на себя внимание прежде всего уменьшительная форма имени существительного (*списочек*). Очевидно, что ее нельзя понимать буквально — в том смысле, что Чичиков попросил именно маленький, а не большой список. Употребление уменьшительных форм — широко распространенный феномен вежливой речи, особенно часто встречающийся в контексте просьбы или вопроса³⁵: оно как бы умаляет говорящего и тем самым возвеличивает его собеседника. Гоголь вообще говорит здесь языком своего героя: в авторской речи слышится речь Чичикова [Успенский 2000: 60–75].

³³ Ср.: «...к концу XVII – началу XVIII в. использование родительного падежа неполного объективирования [т. е. временного пользования] претерпевает грамматикализацию, и он сосредоточивается при глаголах совершенного вида, в конструкциях типа *купить хлеба, послать денег* и т. п.» [Крысько 2006: 225].

³⁴ Ниже мы увидим, что родительный прилагательный в вежливой речи был возможен еще в сер. XIX в., т. е. при жизни Буслаева (см. 3.3).

³⁵ Ср.: *У меня к вам дельце; Дайте, пожалуйста, вилочку; Налейте щец; Я пройду пешочком?* и т. п.; при этом формы *пешочком* или *щец*, конечно, не могут иметь значения уменьшительности в собственном смысле (характерно отсутствие у этих слов уменьшительной формы в именительном падеже) [Успенский 2000: 44–47].

В этой же функции — вежливой просьбы — выступает здесь и родительный падеж прямого дополнения. Он предстает как родительный разделительный (*Genetivus partitivus*), хотя это значение проявляется не в прямом, а в условном смысле. Чичиков, разумеется, хочет иметь полный список крестьян, но в силу речевого этикета он говорит так, как если бы он мог довольствоваться частью этого списка. Это, конечно, также нельзя понимать буквально, подобно тому, например, как в большинстве случаев нельзя понимать буквально просьбу *дайте немножечко хлеба*: такая просьба совсем не обязательно означает, что просящему нужно совсем немного хлеба. Совершенно так же нельзя буквально понимать в эпистолярном этикете обращение *Ваш покорный слуга* и т. п.

Уменьшительная форма существительного и постановка его в родительном падеже дополняют друг друга, сообщая один и тот же смысл: они придают фразе оттенок просительно-заискивающей (угодливой) речи. Это именно та ситуация вежливой речи, о которой говорят Ломоносов и Барсов (см. выше, 3.2): родительный прилагольный является признаком почтительной или учтивой речи.

Обратимся теперь к другой гоголевской фразе, где присутствуют оба фактора — как уменьшительная форма, так и родительный прилагольный: *Одолжите ножичка починить перышко* («Записки сумасшедшего»).

Эта фраза принадлежит не самому Поприщину, герою «Записок сумасшедшего»: Поприщин приводит пример «деликатной» речи чиновника губернского правления («с виду такой тихонькой, выражается так деликатно»).

Обе гоголевские фразы обнаруживают разительный параллелизм: они построены совершенно одинаково — с уменьшительной формой и родительным падежом прямого дополнения: *попросить списочка* и *одолжить ножичка*, очевидно, представляют одну и ту же конструкцию. Их объединяет общая модальность: в обоих случаях речь идет о просьбе, предполагающей почтительное обращение; мы можем говорить о сугубо вежливой или «деликатной» речи. Насколько можно понять, в этих двух фразах заложен один и тот же грамматический (синтаксический) смысл: в обоих случаях отражается значение родительного разделительного (*Genetivus partitivus*).

В силу речевого этикета при выражении просьбы мы можем условно просить часть предмета вместо целого.

При всем том между этими фразами есть очевидное различие. В самом деле, если форма *списочек* означает часть списка, то это легко понять в том смысле, что часть списка сама по себе является списком. Условность речевого этикета состоит в том, что Чичиков (условно) просит часть списка вместо нужного ему полного списка. Вместе с тем форма *ножичка*, вообще говоря, означает часть ножа, а не целый нож — что, казалось бы, лишено смысла в контексте просьбы *одолжить ножичка*.

Другими словами: если *попросить списочка* может пониматься, хотя бы условно, в контексте речевого этикета, как ‘попросить некую часть списка’, то *одолжить ножичка* никак не может быть понято как ‘одолжить часть ножа’.

Понятно, в чем разница. Список может рассматриваться как собрание однородного материала, поэтому часть списка тоже является списком, она представляет список как целое (ср. выше, 2.2). Между тем часть ножа может называться ножом только в особом переносном смысле, как особого рода метонимия.

Приходится признать, что в основе фразы *одолжить ножичка* лежит именно переносное употребление, т. е. что часть ножа (грамматически выраженная) метонимически представляет нож как таковой. Это, разумеется, условность еще большая, чем у Чичикова: Чичиков говорит *списочка* вместо *списочек* и тем самым как бы условно просит часть списка вместо целого, меньшее вместо большего, тогда как *ножичка* в устах гоголевского чиновника еще и имеет особый переносный смысл: в рамках условного речевого этикета осуществляется как бы двойной отход от реальности.

Здесь уместно заметить, что ситуация вежливой речи вообще предполагает условное перенесение в другую, нереальную действительность. Это выражается и в обращении

к человеку во множественном числе (на *вы*), и в обращении *Милостивый государь* при самонаименовании *Ваш покорный слуга*, и в использовании при просьбе ирреального, сослагательного наклонения (*Ты не сходил бы в магазин?*) и т. п. Сюда же относится и метонимическое употребление при просьбе форм, выражающих Genetivus partitivus, — в таких фразах, как *дать ножа (ножичка)*, *дать топора*, *дать часов* и т. п. (см. выше, 3.1)³⁶.

Как мы знаем, у слов с вещественным или отвлеченным значением родительный прилагольный выражает произвольную членимость объекта на однородные части (например, *дать хлеба, каши*). Это происходит при обозначении предметов или явлений, состоящих из однородного материала (см. выше, 2.2). Между тем в только что рассмотренных случаях имеет место у п о д о б л е н и е предмету, состоящему из однородного материала: в выражении *дать ножа* нож членился на части так, как если бы он был сделан из однородного материала — он делится на части таким образом, что каждая часть объекта называется так же, как целый объект.

Выше мы приводили примеры трансформации слов с конкретным значением в обозначение однородной массы — во множественном числе (см. 2.3). Как видим, нечто подобное может происходить и в единственном числе.

Связь родительного разделительного (Genetivus partitivus) с употреблением слова в переносном значении, предполагающем произвольную членимость обозначаемого объекта, представляет собой, по-видимому, типичное явление (не ограниченное ситуацией просьбы), которое прослеживается достаточно рано. Так, мы знаем целый ряд примеров, когда в текстах XV–XVI вв. слово с конкретным значением, означая отвлеченное понятие, получает в родительном падеже флексию *-у/-ю* (т. е. флексию, которая стабилизируется со временем как признак второго родительного падежа, см. выше, 2.2); это наблюдается, в частности, когда название животного выступает в значении кушанья, слово *лист* — в значении содержания написанного на листе, и т. п. [Unbegaun 1935: 119–120; Pennington 1980: 221–223; Успенский 2004: 80–81]. Равным образом в рассмотренном выше случае слово с конкретным значением (*ножичек*) ведет себя так, как если бы оно имело значение переносное. Во всех этих случаях имеет место метафоризация значения — переход от конкретного значения к отвлеченному (переносному).

В ситуации просьбы или почтительной речи связь родительного разделительного с переносным употреблением оказывается контекстно обусловленной, т. е. зависимой от речевой установки.

Итак, слово с конкретным (индивидуализированным) значением при определенных условиях превращается в обозначение однородного материала, уподобляясь словам с вещественным или отвлеченным значением. Это наблюдается как во множественном (см. выше, 2.3), так и в единственном числе³⁷.

³⁶ Как отмечает Томсон, «оттенок значения, выражаемый родительным прилагольным, подкрепляется иногда прибавкою слова *немного, немножечко*: “Открой Аннушка, ах, Анна, окошка, // Ты чуланного, ах, Анна, немножко” (Соболевский. Великорусские песни, IV, 257)» [Томсон 1908: 296; Thomson 1911–1912: 250–251]. Это понятно: *немного, немножечко* означает именно часть, выражаемую родительным разделительным (Genetivus partitivus). В немецкой версии статьи Томсона эта прибавка передается словом *etwas*. Ср. здесь переводы русских фраз: *дай мне твоего ножа* ‘gib mir (etwas) dein Messer’; *он давал мне своего ножика* ‘er gab mir (dazwischen, auf kurze Zeit, etwas zum Gebrauch) sein Messer’; *одолжи мне своего пера, своей книги, палки* ‘leih (erlaube) mir (etwas) deine Feder, dein Buch, deinen Stock’; *дай мне твоей шляпы, лодки* ‘gib mir (etwas zum Benutzen) deinen Hut, dein Bot’.

³⁷ Замечание к фразе из «Записок сумасшедшего» (*Одолжите ножичка починить перышко*). Как было сказано, уменьшительная форма (*ножичек*) может определяться «деликатностью» речи гоголевского чиновника. Разумеется, уменьшительная форма может быть обусловлена в данном случае и непосредственно размером ножа, которым можно починить перо (перочинового ножа). Вместе с тем, форма *перышко* позволяет видеть в этой фразе своего рода согласование по уменьшительности; в этом случае уменьшительность в ней можно трактовать в том же ключе, что и *списочек*

3.4. Уподобление предмету, состоящему из однородного материала и обладающему свойством произвольной членимости, проявляется в таком характерном феномене, как родительный отрицания (*Genetivus negationis*).

Следует полагать, что родительный приглагольный при отрицании и без него — например, форма *хлеба* во фразах *взять хлеба* и *не брать хлеба* и т. п. — имеет один и тот же грамматический смысл. То же может быть сказано и о формах *ножа* или *топора* в таких фразах, как *дать ножа* и *не давать ножа*, *дать топора* и *не давать топора* и т. п. (аналогично и во фразах *кусоч хлеба* и *нет хлеба*, *обломок ножа* и *нет ножа* и т. п.). Слова *нож*, *топор* — в отличие от такого слова, как *хлеб*, — означают предметы, не членимые на однородные части, однако в отрицательной конструкции (в родительном отрицании) они выступают таким образом, как если бы они обладали этим свойством.

Прямое дополнение при переходном глаголе может стоять вообще либо в винительном, либо в родительном падеже. Противопоставление этих падежей в положительной и отрицательной конструкции имеет разную функцию. В обоих случаях имеет место привативная оппозиция, когда один (маркированный) член оппозиции обладает некоторым значением, а другой (немаркированный) не выражает отсутствия этого значения.

В положительной конструкции маркирован родительный падеж прямого дополнения: он выражает неполную представленность объекта в высказывании (см. выше, 2.1). Так, выражение *Я взял хлеб* является нейтральным, а *Я взял хлеба* — отмеченным, маркированным.

В отрицательной же конструкции маркирован, напротив, винительный падеж прямого дополнения (имеются в виду конструкции, когда отрицательная частица непосредственно относится к переходному глаголу, управляющему прямым дополнением)³⁸. Конструкция с родительным падежом при отрицании (*Я не брал хлеба*; *Я не видел топора*) является нейтральной, не выражая никакого дополнительного смысла³⁹. В то же время винительный

у Чичикова, т. е. как феномен почтительной, «деликатной» речи. Возможна, таким образом, как та, так и другая интерпретация, но вторая кажется более предпочтительной.

Вообще же форма *ножичка* при просьбе одолжить нож — в родительном падеже и в уменьшительной форме — была, видимо, обычной. Приведем диалог из разговорника XVII в., где фигурирует почти такая же фраза, как у Гоголя: «А н н а. Рихардт, пожалуй, дай мнѣ своего ножичка на поддержан[ь]е. Р и х а р д т. Возми на том, что отдать назад, как ты от[ъ]ѣшь. А н н а. Будет яз тебѣ не отдам назад, и ты мнѣ потом в' пред ничего не давай на поддержанье» [Sørensen 1962: 31], ср. [Крысько 2006: 224]. Здесь проявляется то значение временного пользования, о котором говорят грамматики XVIII – нач. XIX в. (см. выше, 3.2).

³⁸ Винительный падеж дополнения в отрицательных конструкциях в свое время мог считаться неграмматичным, отклонением от грамматической нормы [Томсон 1903: 193, 207]. Фраза Пушкина *Два века ссорить не хочу* («Евгений Онегин», IV, 33) показала его критику, М. А. Дмитриеву, грамматически неправильной («Атеней», 1828, ч. I, № 4) [Зелинский 1913: 97]. В своем ответе Пушкин писал: «...В чем состоит правило: что действительный [т. е. переходный] глагол, непосредственно управляемый частицею *не*, требует вместо винительного падежа родительного. Например — “я не пишу *стихов*”. — Но если действительный глагол зависит не от отрицательной частицы, но от другой части речи, управляемой оною частицею, то он требует падежа винительного, например: “Я не хочу писать *стихи*, я не способен писать *стихи*”. В следующем предложении — “Я не могу позволить ему начать писать *стихи*” — ужели частица *не* управляет глаголом *писать*?» («Возражение на статью “Атеней”» — [Пушкин, XI: 71], ср.: «Опровержение на критики» — [Там же: 147]). Сам Пушкин называет при этом употребление винительного падежа вместо родительного «стихотворческою вольностью» [Там же: 71, 146]. В примерах Пушкина отрицательная частица (*не*) не относится непосредственно к переходному глаголу, который управляет прямым дополнением во фразе.

³⁹ Если у слова, обозначающего прямое дополнение при переходном глаголе, различаются формы основного (стандартного) и второго родительного падежа, форма второго родительного служит для усиления отрицания: *Я не вижу чаю* сильнее, чем *Я не вижу чая*. В самом деле, в обычном случае (при отсутствии отрицания) второй родительный выражает произвольную членимость называемого предмета или явления (см. выше, 2.2). Соответственно, в отрицательной конструкции

падеж прямого дополнения в конструкциях с отрицанием (*Я не брал хлеб; Я не видел топор*) получает специальное значение: он служит для выражения определенности обозначаемого предмета или явления. Речь идет в подобных случаях о предмете или явлении, известном говорящему или его речевому заместителю, и отсюда мы можем вставить перед соответствующим словом указательное местоимение *этот*, не нарушая общей правильности фразы (ср.: *Я не видел топор, Я не видел этот топор*); напротив, нельзя вставить неопределенное местоимение *какой-то* (*какой-либо*) или отрицательное местоимение *никакой*: в самом деле, нельзя сказать **Я не видел какой-то (какой-либо, никакой) топор*. В то же время в родительном падеже в принципе можно сказать как *Я не видел этого топора* — при том что винительный падеж в данном случае предпочтителен (лучше сказать *Я не видел этот топор*), — так и *Я не видел никакого (какого бы то ни было) топора*. Таким образом, если винительный падеж прямого дополнения при отрицании выражает определенность, стандартный родительный падеж не выражает ни определенности, ни неопределенности⁴⁰.

Фраза *Я вижу дом* может предполагать либо какой-то дом (неиндивидуализированный, один из многих), либо определенный, известный дом (индивидуализированный). Равным образом во фразе *Я не вижу дома* слово *дома* (в родительном падеже) может иметь как то, так и другое значение. Напротив, во фразе *Я не вижу дом* слово *дом* (в винительном падеже) может означать только определенный дом.

Отрицание в русском языке (как и в других славянских) в принципе имеет абсолютный, эмфатический характер: утверждается полное отсутствие предмета или явления, о котором идет речь; иначе говоря, отрицается присутствие не только самого этого предмета или явления, но и любой его части, которая метонимически могла бы представлять данный объект как целое.

Абсолютный характер отрицания находит выражение и в форме сказуемого. В русском языке (и в других славянских) при отрицании обычно употребляется вместо несовершенного вида — совершенный. Форма несовершенного вида является при этом немаркированной, нейтральной, тогда как употребление формы совершенного вида оказывается маркированным. Ср., например, диалог: *Он пришел? — Не приходил*; этот ответ выражает полное отрицание ('вообще не приходил', 'совсем не приходил') без какой бы то ни было эмоциональной окраски со стороны говорящего; возможный ответ в совершенном виде (*He пришел*) имеет дополнительный оттенок модальности и таким образом оказывается маркированным. При употреблении несовершенного вида (*Он приходил* или *Он не приходил*) фиксируется сам факт действия или же его отсутствие; между тем при употреблении совершенного вида (*Он пришел* или *Он не пришел*) этот факт регистрируется в отношении к говорящему — иначе говоря, этот факт трактуется как событие. Итак, в одном случае (при употреблении совершенного вида) говорящий оказывается задействованным в речи, сообщая свою оценку обозначаемому факту, в другом же случае (при употреблении несовершенного вида) он, напротив, никак не выражает своего отношения [Успенский 2008: 839–847].

Употребление формы несовершенного вида в отрицательных конструкциях сопоставимо с употреблением при отрицании родительного падежа. Действительно, во фразах *Ты взял книгу? — Я не брал книги* форма *брал* имеет более общее значение, чем *взял*, поскольку относится к общему действию (в отвлечении от говорящего), а не к конкретному событию: *не брал* означает 'вообще не брал', 'ни разу не взял' и т. п. Сходным образом форма

второй родительный падеж дополнения специально подчеркивает, что отрицание распространяется на любое количество, обозначаемое данным словом.

⁴⁰ Значение неопределенности может выражаться в этих условиях формой второго родительного падежа (ср. *Я не вижу лесу*). В отрицательной конструкции маркирован как винительный падеж прямого дополнения, так и второй родительный (один выражает определенность, другой неопределенность), каждый из которых оказывается противопоставленным стандартному родительному. Сами эти падежи непосредственно друг другу не противопоставлены и таким образом не находятся в отношении эквиополентной оппозиции.

родительного падежа (*книги*) во фразе *Я не брал книги* может относиться к книге вообще, а не к конкретной книге — *не брал книги* может означать ‘не брал никакой книги’. Напротив, винительный падеж прямого дополнения в отрицательных конструкциях, как уже говорилось, служит для выражения определенности: *Я не брал книгу* (в отличие от *Я не брал книги*) означает ‘не брал эту книгу’⁴¹.

В то же время семантика несовершенного вида включает в себя итеративное значение, и это значение актуализируется при отрицании [Успенский 2004: 56–57]; соответственно, *не приходил* означает, в сущности, ‘ни разу не пришел’, *не встречался* — ‘ни разу не встретился’, *не брал* — ‘ни разу не взял’ и т. п. В приказном языке XVII в., где итеративные формы были чрезвычайно распространены, форма совершенного вида в положительной конструкции обычно коррелирует с формой итератива в конструкции с отрицанием, ср., например: «Чумакъ Ивашко Никитинъ (...) *взволочь* его на кабакъ сильно (...) А чумакъ Ивашко Никитинъ въ разпросѣ сказалъ, что онъ попа Федора на кабакъ сильно не *взволакиваль*» [Новомбергский, I: 468–469] и т. п. Введение отрицательной частицы означает в подобных случаях отрицание события в прошлом, и это в принципе относится к любому из моментов, инкорпорированных в это событие. Поскольку в итеративной форме подчеркнут составной характер соответствующего действия, сочетание отрицательной частицы с такого рода формой усиливает отрицание: подчеркивается именно, что ни один из моментов, составляющих данное действие, не имел места⁴².

Введение отрицания, относящегося к глагольной форме, подчеркивает вообще разовый характер действия: *не встречался* означает ‘ни разу не встретился’, *не бывал* — ‘ни разу не был’ и т. п. Итак, итеративная форма прошедшего времени, в обычном случае выражающая многократное, повторяющееся действие, в конструкции с отрицанием имеет противоположное значение, выражая действие однократное.

Напротив, в настоящем времени форма совершенного вида, нормально выражающая однократное действие, в сочетании с отрицанием может выражать многократность, повторяемость действия. См., например, грамоту псковского князя Ярослава Васильевича и псковских посадников Снетогорскому монастырю 1483 г.: «И нынеча, господине Юрьи и Ортеми и Ильи (...) насъ шестой части в Перерве реки лишаютъ, а проѣзду намъ не дадутъ [т. е.: не дают]» [Грамоты 1949: 326, № 340]. Подобные конструкции типичны для древнерусского языка; в современном языке в такого рода контексте обычно употребляется настоящее время несовершенного вида, ср., однако, фразы типа *звоню, но никак не дозвонюсь* и т. п. [Зализняк 1990: 110 и сл.; 1993: 275–279; 2004: 178].

Таким образом, введение отрицания способствует восприятию действия как членимого, состоящего из частей: действие членится на отдельные моменты, и отрицание распространяется на любой из этих моментов⁴³. Аналогичная членимость наблюдается, как мы видели, и при отрицании наличия какого-либо предмета или явления: отрицается не только присутствие самого этого предмета или явления, но и любого составляющего его компонента (см. выше).

Как видим, отрицание в имени и в глаголе устроено сходным образом: противопоставление винительного и родительного падежа дополнения и противопоставление совершенного и несовершенного вида сказуемого обнаруживают разительный параллелизм.

⁴¹ С. О. Карцевский [1962: 223], анализируя возможные ответы на данный вопрос, писал, что «отрицательный ответ, направленный на отрицание самого факта, был бы *Я не брал книги*, тогда как ответ *Я не взял книгу* (лучше, чем *книги*) означал бы, что действие имело место, но не привело к желаемому результату». Точнее было бы сказать: в первом случае отрицается действие, во втором — конкретное (определенное) событие.

⁴² Согласно Ф. И. Буслаеву [1959: 364–365], сочетание итеративной формы в прошедшем времени с отрицательной частицей *не* служит «для означения сильнейшего отрицания».

⁴³ При этом в настоящем времени имеет место нечто вроде операции умножения (однократное действие в сочетании с отрицанием превращается в многократное), а в прошедшем времени — как бы операция деления (многократное действие в сочетании с отрицанием превращается в однократное).

Соответственно, форма родительного падежа, относящаяся к объекту действия, обычно сочетается при отрицании с формой несовершенного вида⁴⁴. Ср., например, у Булгакова: — *Разве я выразил восхищение?* (...) — *Никак нет, мессир, вы никакого восхищения не выразили* («Мастер и Маргарита», ч. I, гл. 2).

В некоторых случаях формы несовершенного вида переходного глагола и родительного падежа прямого дополнения оказываются жестко соотношенными в отрицательной конструкции, т. е. одна форма прямо обуславливает другую. Так, например, в совершенном виде можно сказать как *Я не получил Ваше письмо*, так и *Я не получил Вашего письма*; между тем в несовершенном виде мы скажем *Я не получал Вашего письма*, тогда как фраза **Я не получал Ваше письмо* едва ли может считаться удачной.

4.1. Вернемся теперь к фразам *сказать дурака* и **сказать молодца*, с которых началось наше обсуждение (см. выше, 1.1, 1.2). Одна из этих фраз, как мы помним, восходит к гоголевскому тексту, другая является результатом гипотетической реконструкции. Мы начнем с первой.

Как можно было бы охарактеризовать, на основании вышесказанного, разницу между фразами *Чичиков сказал ему дурака* и *Чичиков сказал ему «дурак»*? Различие здесь прежде всего в авторской перспективе. Чичиков мог действительно назвать индейского петуха «дураком», но автор не несет ответственности за точную передачу того, что было сказано: передается самый смысл высказанного, но не слова, произнесенные Чичиковым. Иными словами, автор не воспроизводит прямую речь персонажа, но передает ее смысл, при ближайшем же — может быть, даже предельно точно — к ее воспроизведению.

Выражение *сказать дурака* буквально означает ‘сказать (что-то) от дурака’ — иначе говоря, ‘сказать нечто вроде дурака’. Характерным образом в словаре Ушакова это выражение (*сказать дурака*) получает не одно, а два определения: ‘назвать кого-нибудь дураком’ и ‘намекнуть кому-нибудь на его глупость’ [Ушаков, I: стлб. 812]⁴⁵. Пользуясь средствами современного неформального русского языка, мы могли бы перевести гоголевскую фразу примерно так: *Чичиков сказал ему, типа, дурак*.

Итак, *сказать дурака* — это партитивная конструкция, которая выражает причастность к называемому объекту. Показательно, что такого рода конструкция обнаруживается — в аналогичном контексте — в других индоевропейских языках, а именно, в романских. Значение родительного разделительного (Genetivus partitivus) в современных романских языках, где вообще нет падежей, соответствует конструкции с предлогом *de / di*.

Так, по-итальянски говорят *dare del cretino* (или *dare dello scemo, dare dello stupido* и т. п.) ‘назвать дураком’ — букв. ‘дать от дурака’. Последняя фраза в точности соответствует по своей внутренней форме русской фразе *сказать дурака*; в то же время *dire «cretino»* (или *dire «scemo», dire «stupido»* и т. п.) соответствует русской фразе *сказать «дурак»*. Ср. итальянский перевод гоголевской фразы из «Мертвых душ»: *Ciçikov gli diede dello scemo* (букв. ‘Чичиков дал ему от дурака’) — в этом переводе точно передается партитивность родительного падежа в исходном русском тексте. Альтернативный перевод данной фразы (с глаголом *dire* ‘сказать’): *Ciçikov gli disse «scemo»* был бы менее точен и выразителен.

Правда, в отмеченных нами выражениях фигурирует глагол *dare* ‘дать’, а не *dire* ‘сказать’, но этот глагол — и именно в такого рода конструкции — может выступать в итальянском в значении глагола речи, ср. *dare del tu, dare del voi, dare del Lei* ‘говорить на ты, на вы’. При этом глаголе вообще актуализируется партитивное значение прямого дополнения (подобно

⁴⁴ Напротив, в положительной конструкции, как уже упоминалось, родительный приглагольный имеет тенденцию сочетаться с формой совершенного вида. См. выше, 2.1.

⁴⁵ Первое значение усматривается в отклике Ратазиева (персонажа «Бедных людей» Достоевского), который мы цитировали выше: *Я (...) сказал ему дурака; а он мне — от дурака слышал* (см. 1.4). Мы можем предположить, что Макар Девушкин обозвал Ратазиева прямо дураком (а не чем-то похожим).

тому, как это происходит и в русском при глаголе *дать*, см. выше, 2.1, 3.1). Так, например, по-итальянски говорят *dare del pane*, и это в точности отвечает русскому 'дать хлеба' (с родительным партитивным)⁴⁶; ср., вместе с тем *dare (il) pane* 'дать хлеб'. И точно так же говорят *dare del tu* 'говорить на ты', *dare del cretino* 'сказать дурака', и т. п.

По-французски в аналогичном случае употребляется глагол *traiter*: *traiter de fou*, *traiter d'imbécile* и т. п. 'назвать дураком' (ср. во французском переводе «Мертвых душ»: *Tchitchikov le traita d'imbécile*). По-португальски говорят *Chamar X de burro*⁴⁷. Все эти обороты речи восходят, надо думать, к вульгарной латыни.

4.2. Если согласиться, что выражение *молодца* восходит к гипотетически восстанавливаемой фразе *сказать молодца (см. выше, 1.2), необходимо думать, что оно имеет те же смысловые оттенки неопределенности и партитивности, о которых мы только-что говорили.

Сказать *молодца* — совсем не то же, что назвать молодцом, это лишь нечто отчасти приближающееся к такому наименованию. Буквально это значит: 'сказать от молодца', т. е. сказать что-то, отчасти близкое к слову *молодец*: здесь то же значение причастности к называемому объекту, что и в выражении *сказать дурака*. Выражение *молодца* — это как бы низшая ступень на пути к тому, чтобы заслужить наименование *молодец*. Поэтому, в зависимости от возраста и социального положения того, к кому относится данное наименование, это слово может выражать как поощрение, так и снисхождение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- БАС, I–XVII — Словарь современного русского литературного языка. Т. I–XVII. М.; Л., 1948–1965.
 Берков 1936 — Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. Л., 1936.
 Бестужев 1931 — Бестужев Н. А. 14 декабря 1825 года // Воспоминания Бестужевых / Ред., введ. статья и примечания М. К. Азадовского. М., 1931.
 Грамоты 1949 — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подгот. к печати В. Г. Гейман, Г. Е. Кочин, П. Б. Мюллер, Е. А. Рыдзевская; под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.
 Зелинский 1913 — Зелинский В. Русская критическая литература о сочинениях А. С. Пушкина. Ч. II. Изд. 4-е. М., 1913.
 Лопарев 1892 — Послание митрополита Климента к смоленскому пресвитеру Фоме. Неизданный памятник литературы XII века / Сообщение Хрисанфа Лопарева. [СПб.,] 1892 (= Памятники древней письменности. Вып. XC).
 Никольский 1892 — Н. [К.] Никольский. О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII века. СПб., 1892.
 НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpota.ru>.
 Новомбергский, I–II — Новомбергский Н. Слово и Дело Государевы. Т. I. Записки Московского археологического института. 1911. Т. XIV Т. II. Известия имп. Томского университета. 1910. Кн. XXXVI. Репринт: М., 2004.
 ПСРЛ, I–XLIII — Полное собрание русских летописей. Т. I–XLIII, СПб. (Пг., Л.); М., 1841–2004.
 Сл. XVIII в., I–XXI — Словарь русского языка XVIII века. Вып. I–XXI. Л.; СПб., 1984–2015.
 Смол. грамоты 1963 — Смоленские грамоты / Подг. к печ. Т. А. Сумникова, В. В. Лопатин. М., 1963.
 Ушаков, I–IV — Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1935–1940.
 Sørensen 1962 — Ein russisches handschriftliches Gesprächbuch aus dem 17. Jahrhundert. Mit Kommentar von Hans Christian Sørensen. København, 1962 (= Historisk-filosofiske Meddelelser udgivet av Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab, Bd 39, No. 8.)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Аванесов, Сидоров 1945 — Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. Ч. I: Фонетика и морфология. М.: Учпедгиз, 1945. [Avanesov R. I., Sidorov V. N. *Ocherk*

⁴⁶ Ср. также: *dare un po' di pane* с тем же значением.

⁴⁷ Ср. по-испански: *Decirle burro a X* ('сказать дурак кому-то') — с глаголом *decir* 'сказать', но без партитивной конструкции.

- grammatiki russkogo literaturnogo yazyka. Ch. I: Fonetika i morfologiya* [An outline of Standard Russian grammar. Part I: Phonetics and morphology]. Moscow: Uchpedgiz, 1945.]
- Барсов 1981 — Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова / Подг. текста и текстологический коммент. М. П. Тоболовой. Под ред. и с предисл. Б. А. Успенского. М.: Изд-во МГУ, 1981. [*Rossiiskaya grammatika Antona Alekseevicha Barsova* [Russian grammar by A. A. Barsov]. M. P. Tobolova (Text processing and textological commentary). B. A. Uspenskii (ed. and author of the preface). Moscow: Moscow State Univ. Publ., 1981.]
- Буслаев 1959 — Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. [Buslaev F. I. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [A historical grammar of the Russian language]. Moscow: Uchpedgiz, 1959.]
- Валгина и др. 2002 — Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И. Современный русский язык. М.: Логос, 2002. [Valgina N. S., Rozental' D. E., Fomina M. I. *Sovremenniy russkii yazyk* [The Modern Russian language]. Moscow: Logos, 2002.]
- Ворт 1998 — Ворт Д. С. Второй винительный в современном русском литературном языке // Лики языка: К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской. М.: Наследие, 1998. С. 7–13. [Vort D. S. The second accusative in Modern Russian. *Liki yazyka: K 45-letiyu nauchnoi deyatel'nosti E. A. Zemskoi*. Moscow: Nasledie, 1998. Pp. 7–13.]
- Востоков 1831 — Российская грамматика Александра Востокова по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. СПб.: В типографии И. Глазунова, 1831. [*Rossiiskaya grammatika Aleksandra Vostokova po nachertaniyu ego zhe sokrashchenoi grammatiki polnee izlozhennaya* [Russian grammar by Aleksandr Vostokov, enlarged as compared with the abridged version]. St. Petersburg: I. Glazunov Publ., 1831.]
- Дурново, I–II — Дурново Н. Н. Повторительный курс грамматики русского языка. Вып. I–II. М.; Л.: Госиздат, 1924–1929. [Durnovo N. N. *Povoritel'nyi kurs grammatiki russkogo yazyka* [A refresher course of Russian grammar]. No. I–II. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1924–1929.]
- Зализняк 1967 — Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. [Zalizniak A. A. *Russkoe imennoe slovoizmenenie* [Russian nominal inflection]. Moscow: Nauka, 1967.]
- Зализняк 1990 — Зализняк А. А. Об одном употреблении презенса совершенного вида («презенец напрасного ожидания») // *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*. Saloni Z. (red.). Białystok: Filii UW w Białymstoku, 1990. S. 109–114. [Zalizniak A. A. On one use of perfective present tense («present of waiting in vain»). *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*. Saloni Z. (ed.). Białystok: Filii UW w Białymstoku, 1990. Pp. 109–114.]
- Зализняк 1993 — Зализняк А. А. К изучению языка берестяных грамот // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М.: Наука, 1993. С. 191–321. [Zalizniak A. A. Towards the study of the language of the language of birchbark letters. Yanin V. L., Zalizniak A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1984–1989 gg.)*. Moscow: Nauka, 1993. Pp. 191–321.]
- Зализняк 2004 — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Zalizniak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. 2nd ed., revised in view of the findings of 1995–2003. Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2004.]
- Исаченко, I–II — Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология. Вып. I–II. Братислава: Изд. Словацкой Академии наук, 1960–1965. [Isachenko A. V. *Grammaticheskii stroi russkogo yazyka v sopostavlenii s slovatskim: Morfologiya* [The grammatical system of Russian versus Slovak: Morphology]. No. I–II. Bratislava: Slovak Academy of Sciences Publ., 1960–1965.]
- Ицкович 1982 — Ицкович В. А. Очерки синтаксической нормы. М.: Наука, 1982. [Itskovich V. A. *Ocherki sintaksicheskoi normy* [Essays on syntactic norm]. Moscow: Nauka, 1982.]
- Карцевский 1962 — Карцевский С. И. Вид // Маслов Ю. С. (ред.). Вопросы глагольного вида. Москва: Изд-во иностранной литературы, 1962. С. 218–230. [Karcevskij S. I. Aspect. *Voprosy glagol'nogo vida*. Maslov Yu. S. (ed.). Moscow: Izd-vo Inostrannoi Literatury, 1962. Pp. 218–230.]
- Крысько 2006 — Крысько В. Б. Исторический синтаксис русского языка: Объект и переходность. М.: Азбуковник, 2006. [Krys'ko V. B. *Istoricheskii sintaksis russkogo yazyka: Ob'ekt i perekhodnost'* [Hystorical syntax of Russian: Objective complement and transitivity]. Moscow: Azbukovnik, 2006.]
- Кузьмина 1993 — Кузьмина И. Б. Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М.: Наука, 1993. [Kuz'mina I. B. *Sintaksis russkikh govorov v lingvogeograficheskom aspekte* [Syntax of Russian dialects in lingo-geographic aspect]. Moscow: Nauka, 1993.]

- Ломоносов, I–XI — Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. I–XIII. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950–1983. [Lomonosov M. V. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. Vol. I–XIII. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1950–1983.]
- Ломтев 1956 — Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1956. [Lomtev T. P. *Ocherki po istoricheskomu sintaksisu russkogo yazyka* [Essays on historical syntax of the Russian language]. Moscow: Moscow State Univ. Publ., 1956.]
- Лопатина 1998 — Лопатина Л. Е. Родительный падеж в функции прямого объекта // Восточнославянские изоглоссы. Вып. 2 / Отв. ред. Попова Т. В. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 1998. С. 234–244. [Lopatina L. E. Genitive in the function of direct object. *Vostochnoslavjanskije izoglossy*. No. 2. Popova T. V. (ed.). Moscow: Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, 1998. Pp. 234–244.]
- Лудольф 1937 — Генрих Вильгельм Лудольф. Русская грамматика. Оксфорд, 1696 / Переизд., пер., вступ. ст. и примеч. Б. А. Ларина. Л.: Издание Ленинградского научно-исследовательского ин-та языкознания, 1937. [Heinrich Wilhelm Ludolf. *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Oxford, 1696. Reedition, translation, preface and comments by B. A. Larin. Leningrad: Leningrad Institute of Linguistic Research, 1937.]
- Малышева 2004 — Малышева А. В. Родительный падеж прямого объекта при глаголах несовершенного вида в русских летописях и современных архангельских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. II (VIII). М.: Наука, 2004. С. 170–184. [Malysheva A. V. Genitive of direct object with imperfective verbs in the Russian chronicles and modern Arkhangelsk dialects. *Materialy i issledovaniya po russkoi dialektologii*. No. II (VIII). Moscow: Nauka, 2004. Pp. 170–184.]
- Малышева 2008 — Малышева А. В. Типы употребления количественного генитива исчисляемых существительных (на материале современных архангельских говоров и русских летописей) // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. III (IX). М.: Наука, 2008. С. 232–247. [Malysheva A. V. Types of use of the quantitative genitive of countable nouns (based on the modern Arkhangelsk dialects and the Russian chronicles). *Materialy i issledovaniya po russkoi dialektologii*. No. III (IX). Moscow: Nauka, 2008. Pp. 232–247.]
- Малышева 2010 — Малышева А. В. Из истории русского глагольного управления: объектный генитив (на материале русских летописей и современных архангельских говоров). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. [Malysheva A. V. *Iz istorii russkogo glagol'nogo upravleniya: ob'ektnyj genitiv (na materiale russkikh letopisei i sovremennykh arkhangel'skikh govorov)*. [From the history of the Russian verb government: Object genitive (based on the Russian chronicles and modern Arkhangelsk dialects). Author's abstract of the cand. diss.]. Moscow, 2010.]
- Маркова 1988 — Маркова Н. В. Родительный падеж прямого объекта в русском фольклоре // Язык русского фольклора. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 1988. С. 96–104. [Markova N. V. Genitive of direct object in the Russian folklore. *Yazyk russkogo fol'klora*. Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ. Publ., 1988. Pp. 96–104.]
- Мейе 1938 — Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л.: Огиз, 1938. [Meillet A. *Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie indoevropskikh yazykov* [An introduction to the comparative study of Indo-European languages]. Moscow; Leningrad: Ogiz, 1938.]
- Падучева 1996 — Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. [Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya* [Semantic studies]. Moscow: Shkola «Yazyki Russkoi Kul'tury», 1996.]
- Потебня 1958 — Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, I–II. М.: Учпедгиз, 1958. [Potebnya A. A. *Iz zapisok po russkoi grammatike* [From the notes on Russian grammar]. I–II. Moscow: Uchpedgiz, 1958.]
- Пушкин, I–XVI — Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. I–XVI. Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. [Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. Vol. I–XVI. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1937–1949.]
- РГ 1980 — Русская грамматика: В 2 т. Т. I / Шведова Н. Ю. (гл. ред.). М.: Наука, 1980. [*Russkaya grammatika* [Russian grammar]: In 2 vol. Vol. I. Shvedova N. Yu. (ed.). Moscow: Nauka, 1980.]
- Соболевский 1907 — Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. Изд. 4-е. М.: Университетская типография, 1907. [Sobolevskii A. I. *Leksii po istorii russkogo yazyka* [Lectures on the history of the Russian language]. 4th ed. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1907.]
- Томсон 1903 — Томсон А. И. Винительный падеж прямого дополнения в отрицательных предложениях в русском языке // Русский филологический вестник. 1903. Т. XLIX. № 1–2. С. 192–234.

- [Tomson A. I. Accusative of direct object in Russian negative sentences. *Russkii filologicheskii vestnik*. 1903. Vol. XLIX. No. 1–2. Pp. 192–234.]
- Томсон 1908 — Томсон А. И. К вопросу о возникновении род[ительного]–вин[ительного] п[адежа] в слав[янских] языках: Приглагольный род[ительный] п[адеж] в праслав[янском] языке // Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. Т. XIII. 1908. Кн. 3. С. 281–302. [Tomson A. I. On formation of genitive–accusative in Slavic languages: Adverbial genitive in the Proto-Slavic language. *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti imp. Akademii nauk*. Vol. XIII. 1908. Book 3. Pp. 281–302.]
- Успенский 1996 — Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. II: Язык и культура. Изд. 2-е, испр. и перераб. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 67–161. [Uspenskij B. A. The mythological aspect of the Russian expressive phraseology. Uspenskij B. A. *Izbrannye trudy. T. II: Yazyk i kul'tura*. 2nd ed., revised. Moscow: Shkola «Yazyki Russkoi Kul'tury», 1996. Pp. 67–161.]
- Успенский 2000 — Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. [Uspenskij B. A. *Poetika kompozitsii* [Poetics of composition]. St. Petersburg: Azbuka, 2000.]
- Успенский 2004 — Успенский Б. А. Часть и целое в русской грамматике. М.: Языки славянских культур, 2004. [Uspenskij B. A. *Chast' i tseloe v russkoi grammatike* [The part and the whole in Russian grammar]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2004.]
- Успенский 2008 — Успенский Б. А. Вид и дейксис // Динамические модели: слово, предложение, текст. Сб. статей в честь Е. В. Падучевой. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 825–866. [Uspenskij B. A. Aspect and deixis. *Dinamicheskie modeli: slovo, predlozhenie, tekst. Sb. statei v chest' E. V. Paduchevoi*. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008. Pp. 825–866.]
- Успенский 2011 — Успенский Б. А. Дейксис и вторичный семиозис в языке // Вопросы языкознания. 2011. № 2. С. 3–30. [Uspenskij B. A. Deixis and secondary semiosis in language. *Voprosy Jazykoznanija*. 2011. No. 2. Pp. 3–30.]
- Успенский 2012 — Успенский Б. А. Ego loquens: Язык и коммуникационное пространство. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Языки русской культуры, 2012. [Uspenskij B. A. *Ego loquens: Yazyk i kommunikatsionnoe prostranstvo* [Ego loquens: Language and communication space]. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2012.]
- В. Успенский 2002 — Успенский В. А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Успенский В. А. Труды по нематематике. Т. I. М.: ОГИ, 2002. С. 447–452. [Uspenskii V. A. On material connotations of abstract nouns. Uspenskii V. A. *Trudy po nematematike*. T. I. Moscow: OGI, 2002. Pp. 447–452.]
- Шахматов 1925 — Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. Л.: Госиздат, 1925. [Shakhmatov A. A. *Ocherk sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [An outline of Modern Standard Russian]. Leningrad: Gosizdat, 1925.]
- Шахматов 1941 — Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Изд. 2-е. Л.: Учпедгиз, 1941. [Shakhmatov A. A. *Sintaksis russkogo yazyka* [Russian syntax]. 2nd ed. Leningrad: Uchpedgiz, 1941.]
- Якобсон 1985 — Якобсон Р. О. К общему учению о падеже: Общее значение русского падежа // Якобсон Р. О. Избранные работы. Сост. и ред. В. А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1985. С. 133–175. [Jakobson R. O. Towards the general theory of case: General meaning of the Russian case. Jakobson R. O. *Izbrannye raboty*. V. A. Zvegintsev (comp. and ed.). Moscow: Progress, 1985. Pp. 133–175.]
- Jakobson 1971 — Jakobson R. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre: Gesamtbedeutung der russischen Kasus. Jakobson R. *Selected Writings. Vol. II*. The Hague; Paris: Mouton, 1971. Pp. 23–71.
- Ludolf 1696 — Henrici Wilhelmi Ludolfi. *Grammatica Russica...* Oxonii, 1696.
- Pennington 1980 — Grigorij Kotošixin. *O Rossii v carstvovanie Alekseja Mixajloviča: Text and commentary*. A. E. Pennington (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 1980.
- Sohier, I–II — Sohier J. *Grammaire et Methode Russes et Françaises*. 1724. Bd. I–II. Факсим. изд. под ред. и с предисл. Б. А. Успенского. München, 1987 (= Specimina Philologiae Slavicae. Bd. 69–70).
- Thomson 1911–1912 — Thomson A. Beiträge zur Kasuslehre: Zur Genitivreaktion des Verbuns im Baltisch-Slavischen. *Indogermanische Forschungen*. Bd. XXIX, 1911–1912. S. 249–259.
- Unbegaun 1935 — Unbegaun B. *La langue russe au XVIe siècle (1500–1550)*. I. La flexion des noms. Paris, 1935 (= Bibliothèque de l'Institut français de Léningrad continuée par la bibliothèque russe de l'Institut d'études slaves. T. XVI).